

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
ПАРодНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АПРѢЛЬ.

1881.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХІV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАНЕВА.

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1881.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственные распоряжения.

Къ учению объ организаціи семьи и родства
въ первобытныхъ обществахъ, преимуще-
ственно у Кельтовъ и Германцевъ. В. Сокольскаго.

Вавилонскія надписи и значеніе ихъ для исто-
ріи Передней Азіи К. Патканова.

Городскія общины Далмаціи въ X—XI вв. И. Смирнова.

Къ археологическимъ и антропологическимъ Ильменска-
го бассейна Е. Елисеича.

Критика и библиографія:

Исторія Россіи. Сочиненіе Д. Иловайскаго. Части I и II. Д. Ц—ва.

Zbytky rýmovaných Alexandreid staročeských. Vydali
Martin Hattala a Adolf. Patera. Texty a tran-
skripce. (Остатки рюмованныхъ старо-чешскихъ
Александридъ. Издали М. Гаттала и Ад. Па-
тера. Текстъ и транскрипція) Ю. Анненкова.

Учебныя заведенія во Франціи и въ Ита-
ліи. (Продолженіе) С. Иванова.

Записки о народныхъ училищахъ Забай-
кальской области Г. М.

Московское археологическое общество въ
1880 году.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: универси-
теты.

Отдѣлъ классической филологическій.

(См. на 3-й стр. обертки).

КЪ АРХЕОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ ИЛЬМЕНСКАГО БАССЕЙНА.

Побережья озера Ильменя и рѣкъ Волхова, Ловати Пола, и др., словомъ—мѣстности, принадлежащія къ Ильменскому бассейну, представляютъ собою одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи краевъ на сѣверѣ Россіи. Здѣсь впервые Славяне Русскіе успѣли достигнуть извѣстной степени гражданственности, здѣсь развился зародышъ могучаго славянскаго государства, здѣсь зародились тѣ принципы, которые привели черезъ тысячу лѣтъ Славянское племя къ берегамъ Великаго океана и подножьямъ стѣпъ Небесной имперіи. Уже въ силу этого одного обстоятельства особенное вниманіе нашей исторической науки должно быть обращено на этотъ край. Изученіе тѣхъ географическихъ и этнологическихъ условій, которыя обуславливали развитіе и ростъ молодаго государства, — первая задача русской исторіи; для рѣшенія же этой задачи необходимы всѣ пособія, какими обладаетъ современная историческая наука, и въ томъ числѣ археологія съ антропологіей занимаютъ первое мѣсто. Къ сожалѣнію, по этимъ двумъ отраслямъ знанія сдѣлано такъ не много для мѣстностей Ильменскаго бассейна, что извлечь изъ имѣющихся данныхъ хотя одинъ вполне положительный выводъ едва ли возможно. Даже съ описательной точки зрѣнія—матеріаловъ для изученія этой области почти совершенно не имѣется. А между тѣмъ множество находящихся здѣсь кургановъ различнаго археологическаго значенія, нѣсколько старинныхъ городищъ, богатые антропологическіе матеріалы, нѣсколько десятковъ названій мѣстностей, носящихъ на себѣ слѣды старины, этнографическія, лингвистическія и другія

данныя, все это ждетъ разработки и обследованія. Жатва велика, а дѣлателей мало; по крайней мѣрѣ, кромѣ д-ра Л. К. Ивановскаго, гг. Кулжинскаго, Самоковскаго и еще немногихъ лицъ, отчасти затронувшихъ богатныя научныя залежи этого края, едва ли можемъ мы указать на другихъ изслѣдователей. Поэтому считаемъ нелишнимъ изложить здѣсь нѣсколько данныхъ, которыя намъ удалось собрать въ экскурсіи, совершенной въ 1879 и 1880 годахъ; дѣлаемъ это въ томъ убѣжденіи, что всякая прибавка къ собраннымъ матеріаламъ можетъ быть небезполезна для науки, лишь бы только собиратель относился къ своей задачѣ осторожно и добросовѣстно.

I.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію результатовъ и матеріаловъ, добытыхъ нами, бросимъ бѣглый взглядъ на общую топографію Ильменскаго бассейна.

Центромъ всего бассейна и приемникомъ многоводной системы его служить самое озеро Ильмень, имѣющее въ длину около 40 верстъ, а въ ширину нѣсколько болѣе. Берега его весьма разнообразнаго характера: на сѣверо-западѣ и на юго-западѣ они отличаются, болѣе или менѣе, возвышеннымъ наклономъ и покрыты или полями, или хорошими пастбищами, тогда какъ къ сѣверо-востоку и особенно на юго-востокъ и югъ представляютъ мѣстами сплошное болото, прорѣзанное многими десятками рѣкъ и рѣченокъ, или вязкія, покрытыя скудною растительностью пространства. На сѣверѣ Ильмень образуетъ лиманъ, изъ котораго начинается рѣка Волховъ, эта главная артерія торговли Великаго Новгорода. По обонимъ берегамъ Волхова, небогатаго притоками, идетъ болѣе или менѣе плодородная рѣчная долина, обнаженная вѣками отъ лѣсу и не имѣющая нигдѣ болѣе 20 верстъ въ ширину; границы ея съ востока и запада составляютъ огромныя лѣса и болота, которыми такъ богата Новгородская область. Эта долина во времена процвѣтанія Великаго Новгорода была сплошь населена, приблизительно до параллели Чудовской станціи, какъ то доказываютъ и доселѣ ея болѣе или менѣе густое населеніе, рядъ кургановъ и нѣсколько городищъ. Густо была населена также и сѣверо-западная часть побережья Ильменя, что свидѣлствуется уже однимъ обиліемъ монастырей въ этой мѣстности: въ старину ихъ насчитывалось болѣе десяти. Рѣка Веренда можетъ считаться южною границею густаго населенія на сѣверо-западѣ Ильменя, такъ какъ глухіе лѣса и топи донныя дѣлаютъ почти необитаемою мѣстность между Иль-

менемъ, Шелонью и р. Струпинкою, впадающею въ Шелонь. На сѣверо-востокъ отъ озера до самаго южнаго его побережья шли мѣста крайне неудобныя для заселенія, которыя и нынѣ еще почти не обитаемы. Болотистые берега, мокрые лѣса (мокреди), перемежаемые съ болотами, занимаютъ почти все восточное побережье Ильменя, богатое водами и перерѣзанное во всѣхъ направленіяхъ сотнями рѣкъ и рѣчекъ. Еще между Новгородомъ и Мстою, на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ, шли болѣе или менѣе удобныя мѣста для поселенія, по самая дельта Мсты, не смотря на все значеніе этой рѣки для повгородской торговли, какъ и все восточное побережье, была также мало населена прежде, какъ и нынѣ. На всемъ этомъ пространствѣ не встрѣчается ни одного городища, ни одной сопки, ни одного даже мѣстнаго названія древняго происхожденія; всѣ деревни и села этой мѣстности носятъ наименованія позднѣйшаго образованія. Самыми же удобными мѣстами сядѣнія Славянъ Ильменскихъ были, разумѣется, южная побережья Ильменя, мѣста, заключенныя между Шелонью на западѣ и Ловатю на востокѣ, а къ югу переходившія въ болѣе или менѣе плодородныя и удобныя для поселенія рѣчныя долины Ловати, Рѣды, Порусья, Полисти и Холныи. Эти мѣста, по справедливому замѣчанію Соловьева, были главными селищами славянскихъ племенъ, а къ сѣверу и западу отъ нихъ шли болотистыя лѣсныя пространства, заселенныя Финскими племенами. Разсмотрѣніемъ мѣстныхъ условій этого пространства мы поэтому должны заняться подробнѣе, тѣмъ болѣе, что здѣсь, какъ увидимъ дальше, осталось болѣе всего памятниковъ древности.

Если взглянемъ на нынѣшнюю топографическую карту этихъ мѣстностей, то увидимъ, что топографическія условія ихъ остались такими же пыпы, какими были и въ древнія времена славянской колонизаціи, чего и слѣдовало ожидать, зная изъ изслѣдованій академика К. С. Веселовскаго, что климатъ сѣверной Россіи въ сравнительно небольшой древности, какую мы имѣемъ въ виду, почти нисколько не былъ суровѣе или мягче теперешнаго. Между Шелонью съ сѣверо-запада и Ловатю съ востока простирается болѣе или менѣе ровное, сухое и хлѣбородное пространство, которое съ сѣвера рѣшительно замыкается Шелонью и Ильменемъ, съ востока Ловатю, съ запада р. Колошкою, впадающею въ Шелонь справа, и линіей, проведенною нѣсколько отъ верховьевъ ея къ югу по крайнимъ лѣсовъ; къ югу оно переходитъ въ болѣе или менѣе плодородныя долины рѣкъ, впадающихъ въ Ильмень съ юга, и ихъ притоковъ. На

западѣ это пространство, начиная отъ рѣки Полисти и почти до самыхъ границъ нынѣшней Новгородской губерніи, переходитъ, и притомъ уже не отдѣльными долинами, а широкою полосою верстъ въ 25—30 шириною къ югу, до паралели с. Маркова, въ мѣстность богатую особенно названіями древняго славянскаго происхожденія. На этомъ пространствѣ, пересѣченномъ нѣсколькими значительными рѣками и множествомъ маленькихъ рѣчекъ ¹⁾, начинающихся изъ болотъ и лѣсовъ, окружающихъ ихъ верховья, а частью изъ возвышенностей Валдайской (съ юго-востока) и Холмской (съ юга-запада), — находились всѣ условія, благопріятствующія какъ первичной колонизаціи, такъ и болѣе прочному заселенію этихъ мѣстностей. Кромѣ лучшихъ въ бассейнѣ Ильменя мѣстъ для хлѣбопашества, эти пространства по рѣчнымъ долинамъ представляютъ прекрасныя поемныя луга ²⁾, имѣютъ много рыбныхъ лововъ, особенно по Шелони и Ловати и въ Тулебельскомъ заливѣ (по воспоминаніямъ рыбащей); на ихъ поляхъ успѣшно произрастаетъ пшеница, гречиха и ленъ. Эти же мѣстности до сихъ поръ богаты садами ³⁾, въ которыхъ растутъ до десяти сортовъ однихъ яблокъ, богаты были издревле и лучшими строевымъ лѣсомъ. Въ лѣсахъ, растущихъ между Шелонью и Ловатью, попадаются доселѣ въ значительномъ количествѣ орѣхъ, осина и дубъ ⁴⁾; дикій хмѣль обвиваетъ дубовыя лѣски по Тулеблѣ, до сихъ поръ богатые пчелами и дикими ульями, которыми такъ мало поль-

¹⁾ Таковы, напримѣръ, рѣчки Колошка, Сосница (притокъ Шелони), Саватейка, Пешня, Перехода, Чернецъ, Тулебля (впадаетъ въ озеро), Порусья (притокъ Полисти), Радья (притокъ Ловати) и др. Всѣ эти рѣки и рѣчки, судя по остаткамъ ихъ прѣснаго ложа, а также по новѣйшимъ напластованіямъ, прежде были гораздо значительнѣе и даже судоходны (какъ это живетъ въ памяти народной и отчасти видно изъ лѣтописей), когда еще не такъ были вырублены лѣса на ихъ верховьяхъ.

²⁾ Поемныя луга по р. Полисти до сихъ поръ составляютъ главный доходъ Старорусскаго земства.

³⁾ Такъ что многіе крестьяне этой мѣстности даже въ самое послѣднее время живутъ однимъ плодоводствомъ. Преданіе говоритъ, что издревле всѣ равнины, напримѣръ, у с. Лехонова (къ западу отъ Старой Русы), были покрыты садами.

⁴⁾ Подъ самою Русою почти въ наши времена была вырублена прекрасная дубовая роща. Объ обиліи дуба въ южной части Ильменскаго бассейна свидѣтельствуютъ многочисленныя названія въ родѣ слѣдующихъ: Дубня, Дубовицы, Дубы, Дубково, Дубенцы и т. п., встрѣчающихся въ южной части Ильменскаго бассейна.

зуются жители. Въ углу, образуемомъ впаденіемъ рѣки Порусы въ Полясть, кромѣ того, находятся одни изъ богатѣйшихъ на сѣверѣ Россіи соляные источники, изъ которыхъ прежде извлекали огромное количество поваренной соли ¹⁾. Ко всѣмъ этимъ естественнымъ богатствамъ мѣстности между Шелонью и Ловатью надо прибавить и удобства путей сообщенія; прекрасно развитая рѣчная система, небольшіе волоки, отдѣляющіе верховья рѣкъ Ильменскаго бассейна отъ рѣкъ бассейновъ Двинскаго, Волжскаго и Днѣпровскаго, сухіе высокіе берега большей части значительныхъ рѣкъ, и наконецъ, Ильмень—этотъ главный узелъ всей озерной области, которой естественныя границы опредѣляются только удобными невысокими волоками,— все это ставитъ область, занимаемую нынѣ приблизительно сѣверною частью Старорусскаго уѣзда, въ весьма выгодныя культурныя условія. Не мудрено поэтому, что здѣсь—какъ мы увидимъ нѣсколько далѣе—находится болѣе сотни кургановъ, нѣсколько большихъ и малыхъ городищъ и нѣсколько десятковъ мѣстныхъ названій, носящихъ на себѣ древне-славянскій отпечатокъ.

Къ числу мѣстностей Ильменскаго бассейна, наиболѣе представлявшихъ удобства для начальнаго и болѣе осѣдлаго заселенія, надо причислить широкія рѣчныя долины рѣкъ Ларинки и Черной, впадающихъ въ Полю съ правой стороны, долины, переходяція широкою полосою въ долину Полю и ограниченныя съ сѣвера и особенно съ востока такими тонями и трасинами, что пройти ихъ лѣтомъ совершенно невозможно. Эти мѣстности также богаты курганами и наименованіями, которыхъ происхожденіе надо отнести къ временамъ почтенной древности. Тѣми же самыми свойствами отличается также на западѣ рѣчная долина впадающей въ Шелонь Мшаги, составляющая естественное продолженіе хлѣбороднаго пространства между Ловатью и Шелонью.

Всѣ перечисленныя нами мѣстности были мѣстами главныхъ сельбищъ Ильменскихъ Славянъ, центромъ ихъ городства и могущества, центромъ, отъ котораго, какъ по радіусамъ, вдоль по рѣчнымъ долинамъ на сѣверъ, востокъ и западъ распространялась славянская ко-

¹⁾ По нѣкоторымъ записямъ и мѣстнымъ преданіямъ, добыча этого продукта была колоссальна сравнительно съ настоящимъ; многочисленныя гидравлическія приспособленія въ родѣ бассейновъ, отводныхъ каналовъ и даже трубъ свидѣлствуютъ объ этомъ. Соляныя залежи и источники доднесь обильны, но эксплуатация соли находится въ неуспѣхѣ рукахъ.

лонизація. Начавшись съ береговъ Чернаго моря и Днѣпра, славянское движеніе мало по малу, но систематически и прочно охватывало своими волнами берега рѣкъ юго-западной и западной Россіи, пока не достигло волоковъ, отдѣляющихъ бассейны Западной Двины, Волги, Днѣпра и озера Ильмени приблизительно тамъ, гдѣ по лѣтописямъ сидѣли Кривичи. Обиліе кургановъ въ этихъ мѣстностяхъ и городищъ доказываетъ, что Славяне успѣли прочно основаться въ этихъ мѣстностяхъ, прежде чѣмъ двинуться по рѣкамъ Ильменскаго бассейна къ сѣверу. Не имѣвъ возможности изучить городища въ области волоковъ, раздѣляющихъ бассейны, мы не будемъ распространяться о тѣхъ путяхъ, которые могло принять славянское движеніе какъ на сѣверо-западъ, такъ и на западъ по направленію рѣкъ бассейна Чудскаго озера, а потому прямо перейдемъ къ вопросу о ходѣ славянской колонизаціи на сѣверѣ по теченію рѣкъ, впадающихъ съ юга въ Ильмень, и прежде всего рассмотримъ распредѣленіе въ этой области кургановъ и городищъ, весьма поучительное съ точки зрѣнія исторической.

Начиная отъ Холма по Ловати, главной артеріи славянской колонизаціи въ при-Ильменскомъ бассейнѣ, идетъ рядъ кургановъ (по мѣстному—сопокъ), среди котораго разсыяно нѣсколько городищъ; изъ нихъ замѣчательны особенно городища при деревняхъ Городкѣ, Веряско ¹⁾ и Курское городище. Эти городища, состоя въ связи съ группами кургановъ, находящихся около нихъ, образуютъ съ ними отдѣльные центры, служившіе какъ бы опорными пунктами для дальнѣйшаго движенія Славянскаго племени къ сѣверу. Начиная отъ с. Рамушева (первой станціи отъ Руса по Демьянской дорогѣ) къ югу вверхъ по Ловати, чуть не на каждыхъ пяти верстахъ попадаются какъ одиночныя сопки, такъ и цѣлыя группы ихъ: въ Коровичѣ ихъ 10, въ Кулаковѣ—2, въ Шелгуновѣ—1, въ Селяхѣ—3, въ Пересѣ—3, въ Коломнѣ—2, Терebinѣ—6, Залучѣ—1, Середкѣ—3, Кницинѣ—1 и т. д. Такое же обиліе кургановъ и по берегамъ рѣки Пола и ея притока Поломети. Въ бассейнѣ верховья Пола находятся также три значительныя городища: Любна на Полѣ, Мареве на р. Маревѣ (впадающей въ Полу), и Молватицы на р. Шеберихѣ (также притокѣ Пола), не говоря уже о нѣсколькихъ, почти срав-

¹⁾ Городище Веряско было изслѣдовано г. Самоковскимъ. См. его «Древніе города Россіи».

ненныхъ съ землею. Городище Молватицы съ сѣвера защищено тремя сопками различной величины, о значеніи которыхъ мы скажемъ нѣсколько далѣе. Курганы имѣются у деревень Мануиловой—1, Ловасицъ—1, Дубковъ—1, Роговъ—2, Ростани—3, Игватицъ—2, Любны—2, Великушъ—2 и т. д.; всѣ они вмѣстѣ составляютъ цѣлый рядъ кургановъ по обоимъ берегамъ Полы. Богато сопками и южное побережье Ильмена между рѣками Шелонью и Ловатью. Въ этой области курганы разсыпаны не такъ правильно по берегамъ рѣкъ, какъ въ другихъ частяхъ Ильменскаго бассейна. Это объясняется отчасти тѣмъ, что славянская колонизація, дойдя по Ловати до узла всей рѣчной системы южнаго Ильменскаго бассейна, приблизительно до того мѣста, гдѣ теперь лежитъ Старая Руся, начала подвигаться постепенно къ западу и востоку поперекъ теченія небольшихъ рѣкъ, впадающихъ въ озеро и значительныя рѣки. Здѣсь попадаются также какъ одиночныя курганы, такъ и цѣлыя группы ихъ. У Луцанина одна сопка, у Солонска Старого—2, у Копѣчка—1, у Большой Витони ихъ 6, у Малой Витони—2, въ Горцахъ—2, у Подгощъ—5, у Солоницка ихъ было 9, у Лукъ—4, у Городцовъ—1, у Парника—1, у Коростяни—2 и т. д. Нѣсколько одиноко въ юго-западной части этого пространства стоятъ сопки у деревень Горки и Шиловой горы на р. Шасты, въ области особенно богатой древне-славянскими наименованіями мѣстностей.

Изъ кургановъ находящихся на другихъ рѣкахъ южной части Ильменскаго бассейна, можно указать на сопки у Котова—1, Нагатица—2, Лисьихъ горокъ—2, Васильевщины—1, Рябкова—2, Фаддеева—1, расположенныя на берегахъ р. Порусы, на сопки у Великаго села (одна почти вся разрыта), Рѣпушина—2, стоящія на р. Рѣдѣ, курганъ у с. Громкова на р. Робѣ (впадающей въ Ловать), и на сопки у д. Бѣлой и Жежванникова, стоящія на берегу р. Андроники, впадающей въ Холмъ (въ Полисть); совсѣмъ отдѣльную группу кургановъ составляютъ сопки, расположенныя въ бассейнѣ Ларинки въ области, имѣвшей густое населеніе въ древности, какъ и нынѣ; у деревень Выпозовой, Ладышкиной, Сельца, Толокпянца, большаго Яблонова по кургану, у д. Ларинки—4, и наконецъ, въ д. Собкахъ—1; этимъ характеризуется волиѣ долина р. Ларинки, сливающаяся на югѣ съ долиною р. Полы.

Въ сѣверной части Ильменскаго бассейна, какъ городищъ, такъ и кургановъ, гораздо менѣе. На протяженіи всего теченія Волхова

находится только 5 городищъ, изъ которыхъ 3 ¹⁾ расположены ближе къ Ладожскому озеру, чѣмъ къ Ильменю, а потому, собственно говоря, и не относятся къ нашему разсмотрѣнію. Четвертое и самое знаменитое городище находится къ югу отъ Новгорода на 1 версту вѣрхъ по Волхову при с. Городищѣ. Это городище издавна уже слыветъ за мѣсто прежняго Новгорода или просто—города; за это говорить и много вѣковъ сохранившееся преданіе, и кое-какія указанія лѣтописи, и географическое его положеніе, вполне удобное для основанія города. Въ 8-ми верстахъ внизъ по Волхову, не доходя до Варлаамскаго монастыря, находится второе городище, такъ-называемый Холопій городокъ, съ которымъ народная память связываетъ воспоминаніе объ убитой въ немъ прекрасной княгинѣ. Недалеко отъ предмѣстья Славкй г. Самоквасовъ находится еще городище, котораго мы, впрочемъ, признать не можемъ. Возлѣ с. Сергіевскаго на берегу р. Беренды недалеко отъ ея впаденія въ озеро находится еще одно городище весьма богатое, по видимому, памятниками древности. У Брошицъ на Мстѣ существуетъ также городище, болѣе или менѣе сохранившееся; въ немъ намъ удалось найти нѣсколько важныхъ антропологическихъ данныхъ. Въ западной части междурѣчнаго пространства въ бассейнѣ р. Мшаги при с. Старомъ Медвѣдѣ находятся два городища съ каменными основаніями, которыя съ прилежащими къ нему сопками и курганомъ при с. Ускибѣ составляютъ отдѣльную и оригинальную группу.

Курганы сѣверной части Ильменскаго бассейна нельзя распредѣлить ни въ какія опредѣленныя группы уже по тому одному, что они очень немногочисленны и расположены вездѣ почти одиночно, исключая только нѣсколькихъ группъ Мстинскихъ сопокъ въ предѣлахъ Крестецкаго уѣзда. По Волхову собственно, до Чудовской станціи включительно, намъ извѣстно всего три кургана: у Слутки, у Змѣйскаго и у Хутыни (Лисицкая гора), а на притока Волхова Вишерѣ—3 кургана у Родіонова; другихъ кургановъ въ этихъ предѣлахъ мы по крайней мѣрѣ не знаемъ. Не то нужно сказать о рѣчной долинѣ р. Мсты; у Глѣбова уже мы встрѣчаемъ курганы, по имени которыхъ во время аракчеевщины поселокъ №17 назывался Сопками. Чѣмъ далѣе мы двигаемся вверхъ по теченію на востокъ, тѣмъ болѣе начинаемъ встрѣчать кургановъ, расположенныхъ здѣсь уже

¹⁾ Первое у Старой Ладоги, второе въ 2 в. внизъ по Волхову при впаденіи Короповскаго ручья, и третье въ 9 в. вверхъ у д. Дубовики.

группами. Въ Парняхъ ихъ 4, въ Захаровѣ—2, въ Пришкинѣ—3, въ Рыдинѣ—7, въ Далевѣ—3 (на р. Халовѣ, впадающей во Мсту), въ Матвѣевщинѣ—3, въ Жерновкахъ—2, въ Волгѣ—11, въ Медвѣдѣ—3, въ Лязяхъ—2, въ Церелгѣскѣ—5, въ Золотомъ камнѣ—17 и т. д. ¹⁾; у дд. Пѣховой, Городка, Матвѣйковой, Дворищахъ, Полищахъ и др. наоборотъ всего по одному кургану. Обиліе кургановъ на Мстѣ имѣеть для насъ весьма большое значеніе въ виду того, что многіе изъ нихъ богаты антропологическимъ матеріаломъ. Въ бассейна Мсты болѣе 200 сопокъ находится еще въ Валдайскомъ уѣздѣ и болѣе 50—въ южной части Крестецкаго уѣзда. Не будучи знакомы съ ихъ расположеніемъ, мы только въ общихъ словахъ заявляемъ о существованіи кургановъ въ этой области.

Области Ильменскаго бассейна, богатая курганами и городищами, соразмѣрно тому богата и мѣстными названіями, происхожденіе которыхъ можетъ быть объяснено только древнимъ славянскимъ языкомъ. Не входя въ длинныя разсужденія по поводу нѣсколькихъ сотъ топографическихъ терминовъ, уважемъ только на нѣсколько десятковъ ихъ въ мѣстностяхъ, извѣстныхъ намъ по обилію находящихся въ нихъ архаическихъ остатковъ, чтобы дать понятіе о томъ, что параллельно съ географическими удобствами этихъ мѣстностей для поселенія и количествомъ сопокъ идетъ также и количество архаическихъ наименованій.

Такъ по Волхову и въ ближайшемъ бассейнѣ его мы встрѣчаемъ названія: Кунино, Лешошня, Колмово, Кречно, Мостище, Хутынь, Волоотово, Ушерска, Слутка, Контвицы, Витеа, Лелявина, Руса, Вылеги, Вергежа, Дымно, Званки, Пшеничище, Вяя, Хотитова, Ваваль, Велья и т. п. Въ сѣверо-западной части Новгородской губерніи къ западу отъ Ильменя встрѣчаются наименованія: Горныева, Батурино, Супоновъ боръ, Ракома, Морильница, Морино, Ярунова, Нероновъ боръ, Здрынога, Любопжа, Люболяды, Перынь и т. д. Въ долинѣ р. Мшаги мы находимъ Велебицы, Минюши, Ускибье, Угороды, Клевенець, Видогощъ, а въ долинѣ р. Луги—Будни, Самокража, Радожа, Кусони, Середогощъ, Велегочъ, Лобожа, Хогени, Марино; въ долинѣ р. Колошки находятся Угощъ, Свинордъ, Учно, Выбетъ, Серенъ боръ, Морсино, Ратицы, а между Колошкою и Псижею—Перница, Волоть, Хотежа, Шуръ, Рно, Чуракова, Порослава, Бозино, Дорглець, Воежъ,

¹⁾ Перечисляя мѣста съ курганами, мы разумѣли также и пункты, не находящіеся на самой Мстѣ.

Славитно и т. д.; между Шелонью и Ловатью въ мѣстахъ, служившихъ главными селищами Славянъ Ильменскихъ мы встрѣчаемъ Подгощи, Ладошина, Любни, Волошиво, Парникъ, Витонь, Ретле, Буреги, Корчице, два Лядина, Вологжа, Учна, Шишиморова, Гославъ и т. д., а южнѣ параллели Русы: Морильница, Вѣлоусовъ Боръ, Турова, Туренки, Руснова, Щетинъ боръ, Рукаты, Святогорша, и т. д. То же обиліе подобныхъ наименованій встрѣчается и по долинамъ рѣкъ въ южной части Ильменскаго бассейна. Такъ на Полести мы находимъ Виджа, Лѣши, Гридина, Присморжье, Ясна, Взеляди, Бѣлоболка, Ратно и др., на р. Порусъ—Учна, Ратцы, Высприще, Ожедова, Волосовщина, Перунъ и др., на Рѣдѣ—оз. Гормыское, Кіева, Княжева, Острой, Скуратова, Вѣщанка, Лопари, Чудское озеро Рдѣйско и др.; на Ловати—Парфино, Гридино, Азова, Рамушево, Рѣтцы, Черенчицы, Веряски, Ходыня, Селяха, Шотова, Будоницы, Пересы, Теревинье Курское, Дорогоня, Княщина, Бушевна и др., на р. Полѣ—Волоська, Ловасицы, Ярцова, Росипа, Морина, Туганова, Унолози, Сорокопейная, Ростани, Росводова, Колома, Хахиль, Цепена, Вухъ, Тоболка, Волбовичи, Люба, Великуша, Новая Руса, Усть, Маржево, Видомѣръ, Растани, Ляды, Велилы, Адамова, Ляда, двѣ Роды и др., и наконецъ, въ бассейнѣ р. Ларинки, Воложа, Растани, Навелье, Ложины, Кстечки, Ларинка, Пресленка, Турій Дворъ, Ладышкина, Свинойрой, Обша, Лялина и др. На притокѣ Волхова-Тигодѣ и въ его бассейнѣ замѣчательны наименованія: Чудля, Руссколожа, Сустье-Полянка, Дидова Грустыня, Ляды, а на Мстѣ—Бронинцы, Холмъ, Божонки, Чурилова, Самокражи, Морововичи, Рыдина, Волмы, Вожеводы, Узи, Сутоки, Лзы, (въ ея бассейнѣ). Къ востоку отъ Ильменя въ мѣстности бѣдной курганами мы все-таки встрѣчаемъ наименованія чисто славянскаго происхожденія, въ родѣ слѣдующихъ: Чертовщина, Хохульки, Мирослава, Добрости, Немилы, Славить, среди чуждыхъ и даже не славянскихъ названій, какъ напримѣръ: Кушевера, Веркасѣ, Кветинъ, Вейско, Клогуга, Курпа и др.; эти послѣдніи по всей вѣроятности финскаго или угорскаго происхожденія.

II.

Предложивъ очеркъ географическаго распредѣленія городищъ, кургановъ и мѣстныхъ наименованій въ различныхъ областяхъ Ильменскаго бассейна, мы можемъ теперь познакомить вкратцѣ читателей и съ тѣми особенностями, которыя представляютъ земляныя со-

оруженія этой мѣстности, какъ въ морфологическомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, особенно съ точки зрѣнія антропологической.

Начнемъ съ городищъ. Всѣ городища Ильменскаго бассейна, осматрѣнные нами, не представляютъ никакихъ исключеній изъ другихъ городищъ славянскихъ ни въ отношеніи формы, ни въ отношеніи мѣстности и географическаго положенія. Всѣ они расположены такъ, что могутъ если не господствовать надъ окружающею мѣстностію, то по крайней мѣрѣ служить опорнымъ базисомъ для жителей ея въ случаѣ непріятельскаго нападешя; сообразно съ этимъ назначеніемъ они располагаются всегда на мѣстахъ болѣе или менѣе неприступныхъ, преимущественно на возвышенностяхъ, съ которыхъ удобно не только защищаться, но и предупреждать нападенія непріятеля. Городища при дд. Городкѣ, Веряско, Курское и Бронницкое, а также и Новгородское, расположены такъ удобно въ стратегическомъ отношеніи, что надо отдать справедливость ихъ строителямъ относительно совершеннаго знанія топографіи мѣстности и пониманія всевозможныхъ обстоятельствъ, которыя такъ или иначе предупреждались бы уже однимъ расположеніемъ этихъ опорныхъ пунктовъ. Расположенные на высокомъ берегу величайшихъ рѣкъ Ильменскаго бассейна, въ мѣстахъ, наиболѣе важныхъ, какъ въ торговомъ, такъ и въ стратегическомъ отношеніи среди мѣстностей, особенно богатыхъ курганами, то-есть, выражаясь иначе, въ областяхъ наиболѣе плодородныхъ, а слѣдовательно, и населенныхъ, городища представляли собою не только опорные базисы для дальнѣйшаго развитія и установки осѣлости около нихъ, но служили исходными пунктами, метрополіями для высылки новыхъ колоній въ земли съ финнско-угорскимъ населеніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и ключами къ торговымъ дорогамъ сухопутнымъ и рѣчнымъ. Г. Самоквасовъ въ своемъ изслѣдованіи о городкахъ русскихъ достаточно подробно разобралъ, что нужно понимать подъ славянскими городами и городищами, такъ что мы имѣемъ полное право видѣть въ каждомъ городищѣ остатки славянскаго города и вслѣдъ за авторомъ отвергать знаменитую теорію Хомяковскаго, по которой Славяне жили въ лѣсахъ, и болотахъ, не имѣя городовъ и строя такъ-называемыя городища только для отправленія богослужебныхъ обрядовъ, въ родѣ италійскихъ *Civitas*, священныхъ насыпей. Соглашаясь вполне съ теоріей г. Самоквасова, замѣтимъ однако, что абсолютно отрицать значеніе городищъ какъ пунктовъ, предназначенныхъ для отправленія религиозныхъ церемоній, нельзя уже по тому одному, что у всѣхъ народовъ культъ того или другаго божества со-

средоточивался въ пунктахъ наиболѣе населенныхъ, какими, по теоріи самого г. Самоквасова, у Славянъ были города. Насъ утверждаетъ еще болѣе въ нашемъ мнѣніи то, что въ двухъ городищахъ, именно съ Молвотицахъ и Веряскомъ, мы нашли странныя сооруженія, которыя, по нашему мнѣнію, должны быть отнесены къ религіозному культу.

Въ правой сѣверной сопкѣ Молвотицкаго городища на обвалѣ, на глубинѣ $\frac{3}{4}$ аршина, мы оцупали стальнымъ шупомъ (которымъ намъ послужилъ шомполъ отъ ружья) твердую плоскую поверхность. Раскопавъ на сколько возможно осторожно это мѣсто и притомъ снимая землю послойно, мы дошли до такого сѣченія, которое на пространствѣ круга, имѣющаго 1 аршинъ въ діаметрѣ, было усыпано угольями и полубогорѣбными сучьями и обложено по периферіи вѣнцомъ камней болѣе или менѣе одинаковой величины. Одинъ изъ камней былъ довольно плоскій и видимо обработанъ рукою человѣка, тогда какъ другіе оказались обыкновенными булыжниками; угли, на сколько можно было замѣтить, были не недавняго происхожденія; остатковъ жженыхъ костей или какихъ-либо другихъ мы найти не могли. Почти такое же сооруженіе встрѣтили мы и во внутренней части Веряскаго городища, но не такъ хорошо сохранившимся. Замѣтивъ на обвалѣ нишу съ угольями, ограниченную камнями, и нѣсколько камней у подножья обвала, мы также осторожно сняли слои и нашли полу-кругъ, усыпанный угольями и увѣнчанный камнями, изъ которыхъ большой плоскій булыжникъ, расположенный, какъ и въ Молвотицахъ, симметрично относительно круга, замѣнялъ плоскій кругъ Молвотицкій.

Не имѣя ни средствъ, ни нравственнаго права производить археологическія раскопки въ большихъ размѣрахъ, мы не могли разрыть вполнѣ ни одного кургана въ указанныхъ сейчасъ мѣстностяхъ и довольствовались только тѣмъ, что находили на поверхности сопки и въ небольшой глубинѣ, которую разрыть могли сами, а также тѣми обвалами, ямами, естественными промоинами и склонами, какіе встрѣчаются на большинствѣ кургановъ. Тѣмъ не менѣе, сколько мы знаемъ, нигдѣ въ Россіи не было найдено подобныхъ сооружений. Фактъ находенія ихъ въ городищахъ долженъ быть, слѣдовательно, поставленъ одиноко, а примѣнительно къ такой его исключительности должно быть поставлено и его объясненіе. Что это не обыкновенное кострище—это очевидно уже по одной формѣ; символическое значеніе круга въ славянской мнѳологіи и плоскій камень Молвотицкаго и Веряскаго круговъ должны быть приняты во вниманіе; отсутствіе другихъ вещественныхъ остатковъ — также. Замѣтимъ кстати,

что г. Самоквасовъ на основаніи, какъ собственныхъ изслѣдованій, такъ и раскопокъ г. Ивановскаго, утверждаетъ положительно, что въ новгородскихъ курганахъ не было открыто кострищъ, и что въ городищахъ, изслѣдованныхъ имъ, также „кострищъ и углей нѣтъ“. О кострищахъ въ новгородскихъ курганахъ мы поговоримъ, впрочемъ, нѣсколько далѣе, а теперь вернемся къ значенію городищъ.

Городища по Волхову, Шелони, Мстѣ, Ловати и Полѣ должны были имѣть также громадное торговое значеніе. Стоя на самыхъ удобныхъ пунктахъ теченія этихъ рѣкъ, а также на распутьи дорогъ, ведущихъ на западъ и на востокъ—и „въ Кривичи“, и къ Финнамъ, они по необходимости дѣлались также и торжищами, ярмарочными пунктами. Курганы, идущіе по берегамъ рѣкъ и какъ бы соединяющіе городища между собою и съ областями, наиболѣе населенными, служатъ какъ бы вѣхами, указывающими на путь, котораго надо держаться, чтобы не плутать въ роскошно развѣтвленной рѣчной системѣ Ильменя, спустившись съ волоковъ, которые разграничиваютъ бассейны Волги, Днѣпра, Западной Двины и Ильменя.

Мы говорили уже о томъ, что городища располагаются преимущественно на мѣстахъ возвышенныхъ, но они встрѣчаются и въ низменныхъ болотистыхъ пространствахъ, если топографическія условія данной мѣстности дѣлаютъ ихъ при этомъ неприступными. Такъ, городища Холоніи городокъ на Волховѣ и Сергіевское недалеко отъ западнаго берега Ильменя стоятъ въ мокреди, которая по веснамъ залита водой и недоступна. Но каковы бы ни были топографическія условія даннаго городища, оно всегда еще укрѣпляется искусственно, по крайней мѣрѣ, земляными насыпями. Если нѣтъ по близости оврага или рѣчки, то дѣлаются и искусственныя гидравлическія сооруженія, валы же и бастионы сооружаются почти всегда. Обыкновенно „площадью городища (напримѣръ, Веряскаго, Молвотицъ, городища Новгородскаго) служитъ свать или отрѣзокъ горы, отдѣленный отъ подошвы и окружающей мѣстности валомъ и рвомъ, а со стороны естественными укрѣпленіями, ровно обрѣзанными, такъ что подступы невозможны“. Такъ описываетъ русскія городища г. Самоквасовъ вообще, и надо согласиться, что это опредѣленіе болѣе или менѣе примѣнимо и къ каждому городищу Ильменскаго бассейна въ частности. Городища ипогда, особенно со стороны болѣе доступной, чѣмъ другія, окружаются одною или нѣсколькими сопками, имѣющими значеніе бастионовъ или передовыхъ укрѣпленій. Эти сопки обыкновенно укладываются на периферіи и у подошвы въ особенности—каменными различ-

ной величины, значеніе которыхъ понятно само собою. Разрывать эти курганы почти не представляетъ никакого археологическаго интереса; мы, по крайней мѣрѣ, зондируя во многихъ мѣстахъ поверхность этихъ защищающихъ сопокъ, не нащупывали никогда ничего. Такими курганами снабжены, на примѣръ, городища у Старога Медвѣдя въ бассейнѣ рр. Мшаги (древн. Пшаги), и Молвотицы. Въ виду того, что эти сопки лежатъ очень близко къ городищамъ, такъ что въ древности могли быть соединены тѣномъ или изгородью, намъ кажется неосновательнымъ мнѣніе г. Самоквасова, что городища съ группою сопокъ возлѣ нихъ — болѣе новаго происхожденія, времени употребленія огнестрѣльныхъ орудій. Вопросъ этотъ заслуживаетъ еще большаго вниманія уже по тому одному, что городища у Старога Медвѣдя и Молвотицъ по антропологическимъ даннымъ должны быть признаны за одни изъ самыхъ древнихъ въ Ильменскомъ бассейнѣ.

Величина и форма городищъ довольно разнообразна. По словамъ г. Самоквасова, величина площади славянскихъ городищъ измѣняется отъ 200 до 1000 шаговъ въ окружности. Въ Ильменскомъ же бассейнѣ есть, на примѣръ, городище Сергіевское, которое имѣетъ всего 120 шаговъ въ окружности и Молвотицкое, котораго первая часть, по измѣреніямъ г. Кулжинскаго ¹⁾, 860 саж., вторая — 89, третья — 2900, и четвертая — 4853 саж. въ окружности. Изъ различныхъ формъ площади городищъ Славянъ Ильменскихъ особенно заслуживаетъ вниманія треугольная. Городища на Ловати, Короповскій городокъ на Волховѣ, при погостѣ Маревѣ на р. Маревкѣ и третья часть городища Молвотицкаго имѣютъ трехугольную форму, тогда какъ Сергіевское насыпано въ формѣ правильнаго полукруга. На сколько имѣетъ значеніе самая форма городищъ — сказать трудно, но намъ кажется, что въ этомъ отношеніи не одно личное усмотрѣніе строителей играло первенствующую роль. На площади городищъ и въ ихъ внутреннихъ частяхъ (въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ городища сопровождаются прибалочными сопками) встрѣчаются среди земли, песку, щебня также уголь, зола, кирпичи, кости и много черепковъ. Въ отношеніи послѣднихъ надо быть очень осторожнымъ при разборѣ археологическихъ находокъ, попадающихъ на поверхность городища. Такъ, въ Маревскомъ городищѣ мы натолкнулись на груду черепковъ, которую и принялись усердно разбирать, пока послѣ продолжительнаго труда не убѣдились, что они имѣли срав-

¹⁾ А. И. Кулжинскій въ *Извѣст. Импер. Археол. Общества*.

нительно недавнее происхождение. Догадка наша подтвердилась через нѣсколько времени, когда одинъ крестьянинъ объяснилъ намъ, что прежде въ ихъ деревнѣ былъ обычай складывать у городища, которое, по ихъ мнѣнію, было чѣмъ-то въ родѣ прежняго заведа, всю разбитую глиняную посуду. Въ Маревскомъ городищѣ цупомъ мы наткнулись на какой-то обломокъ, который оказался частью глинянаго горшка. Главный интересъ этой находки заключался въ томъ, что стѣнки этой посуды, составляя часть цилиндрической поверхности, были проложены послойно глиной и лубомъ, при чемъ послѣдній достаточно еще сохранился, не смотря на массу перегноя. Въ отношеніи костей, попадающихся на площадяхъ городищъ, надо замѣтить, что это по большей части остатки пищи въ родѣ кухонныхъ остатковъ Скандинавскаго и Ютландскаго полуострововъ — къекекк-меддингъ. На счетъ настоящихъ костей, встрѣчающихся въ грунтѣ городищъ, мы скажемъ нѣсколько словъ далѣе. Какъ бы ни были пока малочисленны археологическія находки въ городищахъ, по ихъ достаточно для того, чтобъ опровергнуть воплѣ теорію Шлецера о дикости Славянъ, обитавшихъ въ лѣсахъ и болотахъ и основанную на ней гипотезу Ходаковского о значеніи городищъ только какъ остатковъ богослужбныхъ, *lucus*, капищъ Славянъ. Справедливо поэтому говорить г. Самоквасовъ, что „лѣтописныя данныя, изслѣдованія Калайдовича въ Рязанской губерніи, Кеннена въ земляхъ западныхъ Славянъ, Пассека въ Харьковской губерніи и гр. Уварова въ области древнихъ Мерянъ доказываютъ, что городища — остатки городовъ, центры древнихъ жилищъ“. Намъ кажется, что одно присутствіе кухонныхъ остатковъ въ значительномъ количествѣ на площади изслѣдованныхъ нами городищъ, не говоря уже о другихъ мелкихъ находкахъ, которыя тамъ попадаются, свидѣтельствуетъ противъ теоріи Шлецера и Ходаковского. Несостоятельность ея, впрочемъ, еще болѣе обнаруживается тѣмъ, что она сама ровно ни на чемъ не основана, кромѣ нѣсколькихъ мѣстъ изъ Юрланды, и пока ровно ничѣмъ не подтверждена.

III.

Курганы Ильменскаго бассейна представляютъ гораздо болѣе археологическаго и антропологическаго матеріала, чѣмъ тамошнія городища. Уже географическое распредѣленіе кургановъ въ томъ краѣ показало намъ, что они здѣсь, какъ и во всемъ свѣтѣ, располагаются преимущественно по теченію рѣкъ. Слѣдя внимательно за распредѣ-

леніемъ сопокъ по рѣчнымъ берегамъ, можно замѣтить и другую его особенность. Рядъ кургановъ, тянущійся вдоль по теченію данной рѣки, или вдругъ прерывается, или наоборотъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ принимаетъ своеобразный видъ группировки; подъ рядъ слѣдуютъ нѣсколько мѣстъ, на которыхъ сопки группируются. Такъ на примѣръ, на Ловати рядъ одиночныхъ кургановъ смѣняется цѣлыми ихъ группами: у д. Терébини ихъ 6, у д. Середки ихъ 3, у дд. Селяхи и Пересъ тоже по 3, на Мстѣ и ея притокахъ также, между одиночными сопками Пехова, Сельца, Плутцовъ и др. встрѣчаются группы ихъ въ 3 (Далево, Медвѣдь), 4 (Копьково, Парни), 5 (Перелѣсокъ, Коломна), 7 (Рыдино), 11 (Волма), 17 (Золотой Камень) и т. д. Разумѣется, это распредѣленіе кургановъ должно имѣть свое значеніе: въ области Ильменскаго бассейна подобная группировка сопокъ имѣетъ мѣсто во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мѣстность болѣе плодородна, чѣмъ въ другихъ ближайшихъ окрестностяхъ. Перечисленные нами пункты съ группами кургановъ дѣйствительно находятся въ мѣстахъ болѣе или менѣе плодородныхъ¹⁾; то же самое замѣчаемъ и въ другихъ областяхъ разсматриваемаго нами бассейна. Въ плодородныхъ издревле, а слѣдовательно, искони и населенныхъ мѣстностяхъ между Шелонью и Ловатью мы встрѣчаемъ у Подгощъ, 5 сопокъ, у Солоницка ихъ было 9, у Большой Витони ихъ 6, у Лобынь — 6, между Луками и Коломою — 4 и т. д. Въ Демьянскомъ уѣздѣ въ самыхъ хлѣбородныхъ доселѣ мѣстностяхъ встрѣчаются группы кургановъ: у Песковъ ихъ 7, у Городка—9, у Рябушекъ—10, у Рыкова около 12, у Хозюпина—21 и т. д. Въ мѣстахъ наиболѣе плодородныхъ и населенныхъ, не говоря уже о борьбѣ пародностей за обладаніе ими, было, разумѣется, больше моментовъ, обуславливавшихъ насыпаніе сопокъ и оконаніе городищъ.

Что касается формы кургановъ, то хотя и не выяснено до сихъ поръ въ археологін — какое значеніе имѣла та или другая форма, тѣмъ не менѣе необходимо признать, что форма кургана обуславливалась его назначеніемъ: иначе было бы непонятно—почему въ одномъ и томъ же мѣстѣ встрѣчаются различныя формы сопокъ, а это замѣчается даже въ отдѣльныхъ группахъ и въ рядомъ стоящихъ кур-

¹⁾ Для доказательства позволимъ себѣ привести нѣсколько данныхъ изъ урожая 1880 г.: у низовьевъ Ловати урожай былъ самъ-2 — 3, тогда какъ по среднему теченію, гдѣ наиболѣе встрѣчается сопокъ, онъ доходилъ до самъ-5—8. То же самое и на Мстѣ.

ганахъ. Въ области Ильменскаго бассейна формъ сопокъ нѣсколько; изъ нихъ главныя типы—остроконечныя и плоскія. По формѣ основанія ихъ можно раздѣлить на круглыя, продолговатыя и полукруглыя. Изъ сочетанія того и другаго типа получаются: плоскокруглыя, острокруглыя, эллипсоидныя и т. д. По большей части сопки имѣютъ круглое основаніе и болѣе или менѣе приостренную вершину. Размѣры ихъ у основанія и высота чрезвычайно разнообразны. Бываютъ сопки въ окружности 8 саж. и даже 5 саж. (таковы двѣ Больше-Витонскія), сопки болѣе 300 саж. въ окружности (у Шинкова и Егорья въ Демьянскомъ уѣздѣ) и даже въ 4853 саж. (по измѣреніямъ г. Кулжинскаго, если считать за сопку одну изъ частей Молвотицкаго городища). Въ высоту курганы эти имѣютъ отъ 2 $\frac{1}{2}$ аршинъ до 10,15 и даже болѣе (при д. Егорѣ) сажень.

Напротивъ того, есть цѣлыя группы кургановъ, всѣ члены которыхъ одной формы и болѣе или менѣе равномерны: такова, на примѣръ, группа изъ 5 кургановъ у д. Подгощъ, изъ 6 — у Лобынь; но еще болѣе группъ сопокъ, имѣющихъ различную величину, но одинакову форму. 10 кургановъ у Коровичина, 10 у Рябушекъ, 9 у Городка, 20 у Заселья, 26 у Шинкова, не говоря уже о множествѣ группъ въ 3 и 4 сопки, могутъ представить тому примѣры. Какъ образецъ группы кургановъ, которой всѣ почти члены отличаются другъ отъ друга или формой, или величиной, можно привести 21 сопку у Хозюпина (во второмъ станѣ Демьянскаго уѣзда). Обыкновенно впрочемъ такого разнообразія не замѣчается, и все отличие членовъ данной группы состоитъ въ принадлежности ихъ къ различнымъ типамъ. Изъ двухъ сопокъ Бѣляевщины одна продолговатой, могиллообразной формы, а другая—плоско-круглой; при д. Рыковѣ — 6 плоскихъ и 3 остроконечныхъ кургана, при д. Лоринки—2 остроконечныхъ и 2 плоскихъ, при Шинковѣ—1 круглый и 2 плоскихъ и 23 въ видѣ сахарной головы.

Форма сопокъ продолговатаго, могиллообразнаго типа заслуживаетъ особаго вниманія по тому обстоятельству, что въ различныхъ насыпяхъ этой формы мы находили черепа почти однихъ и тѣхъ же краниометрическихъ размѣровъ. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ указать на нѣсколько продолговатыхъ кургановъ, тѣмъ болѣе что ихъ сравнительно немного въ рассматриваемой нами части Ильменскаго бассейна. Одинъ изъ Больше-Витонскихъ, одинъ при д. Пескахъ (Демьянскаго уѣзда), 2 при д. Боровичахъ, 1 при д. Бѣляевщинѣ и по одному при дд. Даниловѣ, Щечновѣ, Дубкахъ, Мануиловѣ, Ла-

дышкинѣ, Селеевѣ и Стехновѣ, вотъ и всѣ курганы, которые мы можемъ подвести къ продолговатому типу.

Оригинальна и особенно рѣдка форма полукружная. Графъ Тышкевичъ, какъ о рѣдкости, упоминаетъ, что Враггелъ нашелъ въ Гдовскомъ уѣздѣ курганъ, насыпанный въ полукружье. Г. Самоквасовъ говоритъ также о сыпанныхъ въ полукружье городищахъ. Мы видѣли уже выше, что Сергѣевское городище сыпано въ формѣ правильного полукруга. Валу нѣкоторыхъ городищъ въ родѣ Молвотицъ (теперь уже сильно пострадавшіе) также приближаются къ этой формѣ; поэтому намъ кажется, что такую форму придавали сопкамъ, имѣвшимъ назначеніе оборонительныхъ валовъ и батарей. Догадка эта отчасти подтверждается тѣмъ, что внѣшняя сторона этихъ кургановъ обкладывается камнями. Къ этому типу относятся двѣ кольцеобразныя сопки при д. Подгорьѣ (Демьянскаго уѣзда).

Говоря о различныхъ формахъ кургановъ, необходимо замѣтить, что всѣ они болѣе или менѣе пострадали и отъ времени, и отъ атмосферическихъ вліяній, и отъ рукъ челоука. Это необходимо имѣть въ виду потому, что на нѣкоторыхъ сопкахъ находится продольныя и поперечныя борозды, которыя могутъ быть на столько глубоки, что придаютъ кургану многовершинность. Такъ Шульгина гора (въ Демьянскомъ уѣздѣ) состоитъ дѣйствительно изъ 7 насыпей, что можно доказать присутствіемъ камней у основанія каждой; огромный плоскій курганъ у д. Шиневой, въ 370 саж. въ окружности, имѣетъ на своей верхней площади 6 небольшихъ сопокъ въ 2 саж. высоты каждая, по такихъ сложныхъ и многовершинныхъ кургановъ не много. Одинъ изъ Витонскихъ, одинъ изъ Коростынскихъ, одинъ изъ Мало-Витонскихъ, два изъ Подгощинскихъ и многіе другіе только кажутся двухвершинными вслѣдствіе глубокихъ бороздъ и промонъ. Надо также различать и искусственные скаты, образовавшіеся подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ причинъ отъ естественныхъ обваловъ, что можетъ имѣть значеніе въ археологическомъ отношеніи. Той же самой осторожности требуютъ ямы и колдобины, встрѣчающіяся на склонахъ кургановъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ онѣ искусственныя и вырыты съ различною цѣлью—или кладовска-телями, или чтобъ утилизировать сухую, часто песчаную почву сопокъ, напримѣръ, для храненія картофеля. Не смотря на это, попадаются, особенно на вершинахъ кургановъ, ямы или углубленія, по всей вѣроятности—сдѣланныя еще строителями, что мы заключаемъ на основаніи констатированнаго факта на Котовскомъ курганѣ (не-

далеко отъ Старой Русы). На вершинѣ этого кургана (на которомъ, по преданію, издревле стоялъ идолъ, провалившійся сквозь землю) находится довольно значительное углубленіе. Въ 1878 г. мы нашли на самомъ днѣ подъ слоемъ перегноя настоящее кострище съ остатками пережженныхъ и обуглившихся костей. Тамъ и самъ на периферіи этого углубленія замѣчались камни, какими обыкновенно укладываются курганы съ наружной стороны, и мѣста камней, вывороченныхъ съ какою-нибудь цѣлью. Перебравъ, по возможности, всѣ камни, мы ничего не нашли подъ ними. Во всякомъ случаѣ данныхъ въ пользу того, что углубленіе это произошло при самомъ построеніи кургана, гораздо болѣе, чѣмъ для предположенія о позднѣйшемъ его происхожденіи; нѣкоторая глубина кострища, его положеніе и остатки костей, по нашему мнѣнію, говорятъ въ пользу перваго предположенія.

Относительно матеріала, изъ котораго сыпались городища и сопки, мы сказать многого не можемъ, потому что не проникали глубоко ни въ одну изъ нихъ, по на сколько можно судить по сдѣланнымъ нами опытамъ раскапыванія, они сыпались изъ мѣстнаго матеріала—земли, песку, щебня, гравія и т. п., хотя и есть исключенія. Эти исключенія состоятъ въ томъ, что во многихъ курганахъ Старорусскаго и Демьянскаго уѣздовъ матеріалъ вершины отличается отъ почвы, на которой стоитъ ихъ основаніе. Сопка, напримѣръ, стоитъ на обыкновенной пахатной или суглинистой почвѣ, а верхъ кургана песчаный или щебневый. Въ ближайшей окружности послѣдняго матеріала нѣтъ, по крайней мѣрѣ на поверхности земли; онъ въ обиліи находится гдѣ-нибудь недалеко возлѣ рѣки или холма; приходится поэтому допустить, что строители кургановъ въ иныхъ случаяхъ предпочитали лучше издалека наносить потребный матеріалъ, чѣмъ пользоваться мѣстнымъ. Это обстоятельство должно имѣть какое-нибудь объясненіе; на сколько намъ удавалось прослѣдить курганы, заключающіе остатки человѣческіе и въ особенности могильные, то-есть, такіе, въ которыхъ покойники погребались (а не такіе, гдѣ только ставились погребальныя урны-могильницы), эти сопки всегда состоятъ изъ песку, щебня и гравія, тогда какъ курганы пусты сыпаны изъ мѣстнаго матеріала, обыкновенно изъ земли. Замѣтимъ при этомъ, что на разрѣзахъ и обвалахъ кургановъ послѣдняго рода, то-есть, земляныхъ, обыкновенно поросшихъ нынѣ прекрасною зеленью, можно воспользоваться способомъ академика Рупрехта, предложеннымъ имъ для при-

близительнаго опредѣленія древности наслоенія почвы посредствомъ анализа слоевъ перегноя.

IV.

Въ отношеніи къ внутреннему содержанію кургановъ повгородскихъ и старорусскихъ мы можемъ сказать немногое вслѣдствіе крайне ограниченныхъ размѣровъ нашихъ раскопокъ, и если мы позволяемъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя заключенія, то они будутъ касаться преимущественно вопросовъ антропологическихъ.

Способъ нашего изученія сопокъ Ильменскаго бассейна примѣнительно къ нашимъ средствамъ и силамъ состоялъ въ слѣдующемъ: на сколько возможно тщательно мы изучали внѣшній видъ кургана и осматривали всѣ его склоны, обвалы, ямы, рывины, канавы, ищущія около него, его подошву. Нерѣдко даже это поверхностное изученіе доставляло намъ нѣкоторыя данныя, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда, благодаря частичнымъ раскопкамъ и обваламъ, намъ удавалось проникнуть въ болѣе глубокія части кургановъ. Въ этихъ случаяхъ намъ удавалось находить постропутыми цѣлыя части челоѳическихъ скелетовъ и другіе предметы. Не довольствуясь, однако, только осмотромъ кургановъ, мы употребляли и зондированіе, при чемъ щупомъ намъ служилъ шомполь отъ ружья, нарочито нѣсколько приспособленный. Когда посредствомъ его намъ удавалось прощупать что-либо, то мы расширяли нѣсколько ходъ и на остріе зонда насаживали свинцовыя пульки, при помощи которыхъ пытались узнать—съ чѣмъ имѣемъ дѣло. Винтовой патронъ, легко прилаживаемый къ нашему зонду, помогалъ намъ при распознаваніи костей. Если съ помощью этихъ и тому подобныхъ діагностическихъ пріемовъ опредѣлялось что-нибудь интересное, то ручная кирка и широкій ножъ доканчивали дѣло. Памятуя всегда правило, что по возможности надо щадить памятники такой глубокой древности, какъ курганы, тамъ, гдѣ нельзя произвести ихъ раскопку по всѣмъ правиламъ археологической науки, мы можемъ, положивъ руку на сердце, сказать, что не испортили ни одного кургана. Гдѣ можно было добыть что нибудь—мы добывали; гдѣ это было намъ не по силамъ—мы оставляли для будущихъ изслѣдователей. Къ сожалѣнію, частичныя раскопки кургановъ съ различными практическими и мнимо-научными цѣлями такъ часты, что мы, не смотря на все несовершенство своихъ методовъ изслѣдованія, могли видѣть и изучать довольно глубокія части не одного десятка сопокъ. Въ виду того, что мы по преимуществу пользовались матеріаломъ, болѣе или менѣе ле-

жащимъ на поверхности, будетъ понятно, что главную часть нашихъ находокъ составляютъ уголья, горшечные осколки и кости, какъ предметы ненужные; всѣ остальные предметы, какіе встрѣчаются въ курганахъ, обыкновенно тотчасъ же растаскиваются, какъ только показываются на свѣтъ.

Мы говорили уже выше, что не можемъ согласиться съ г. Самовасовымъ, который, на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій и изслѣдованій г. Ивановскаго, отрицаетъ существованіе кострищъ въ новгородскихъ курганахъ и даже углей въ городищахъ. Относительно послѣднихъ мы уже привели факты выше, а отчасти коснулись и перваго вопроса, говоря о Котовскомъ курганѣ и его воронкообразномъ углубленіи, на днѣ котораго, подъ небольшимъ слоемъ перегноя, мы нашли настоящее кострище съ остатками пережженныхъ человѣческихъ костей. Подобная находка притомъ вовсе не представляетъ ничего исключительнаго, такъ какъ мы находили то же самое и въ другихъ сопкахъ. Надо различать только находки однихъ углей отъ находокъ углей съ пережженными костями, такъ какъ нахожденіе тѣхъ и другихъ кострищъ было неодинаково. Припомнимъ при этомъ также и то, что съ углями могутъ встрѣчаться кости и животныхъ или какъ кухонные остатки, или какъ остатки отъ древнихъ жертвоприношеній. Разобраться во всѣхъ этихъ трудностяхъ иногда бываетъ даже невозможно, особенно когда кости отъ дѣйствія пламени и времени потеряли свою форму и даже рассыпались въ золу. Кострище, подобное Котовскому, то-есть, какъ бы обложенное камнями, и подобное кругамъ Молвотицкаго и Верасскаго городищъ, мы нашли также на юго-западномъ обрывѣ Лунышинской сопки, весьма богатой человѣческими костями. Оно представляло довольно порядочную грудку угля и золы, заключенную болѣе или менѣе между камнями различной величины. Вполнѣ опредѣлить форму было невозможно потому, что эта часть кургана была разрушена, но судя по нѣкоторой части кострища, съ большою достовѣрностью можно признать, что оно имѣло форму круга. Женныхъ костей мы также не нашли, не смотря на то, что курганъ полонъ человѣческихъ костей. Груды углей, но безъ каменной обкладки, мы вырыли изъ одной изъ Хозюпинскихъ сопокъ, полуразрутой Коростянской и Великосельской; небольшія кучки угля среди песку и щебня мы встрѣчали на вершинѣ одной изъ Рябушкинскихъ, у двухъ Рыковскихъ, одной Коровичинской и на откосѣ восточной части Шульгиной горы. Среди всѣхъ перечисленныхъ нами угольныхъ кучъ мы однако не нашли и слѣда женныхъ костей, а изъ этого

нужно заключить, что найденные нами угольные остатки не суть собственно кострища, если называть послѣдними только массы угля съ пережженными костями. Тѣмъ не менѣе, мы не сомнѣваемся, что угольные кучи, о которыхъ мы говоримъ, имѣютъ древнее происхожденіе; для разъясненія этого вопроса мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что видимое отсутствіе костей не означаетъ дѣйствительнаго ихъ отсутствія изначала.

Въ пользу древности этихъ кучъ угля и зола свидѣлствуетъ главнымъ образомъ то, что онѣ не находились на поверхности, а на нѣкоторой глубинѣ и всегда подъ слоемъ перегноя, которому надо дать не менѣе нѣсколькихъ сотенъ лѣтъ. Въ томъ же случаѣ, когда уголище находится на поверхности, какъ это мы нашли на обвалѣ Лунышинской сопки, надо принять во вниманіе другія обстоятельства: каменная обкладка, кругообразная форма и массы костей надъ и подъ уголищемъ давали для насъ важныя указанія. Гораздо труднѣе доказать, что отсутствіе костей въ настоящее время не означаетъ отсутствія ихъ и изначала. Съ одной стороны, кости человѣка и животныхъ дѣйствительно могутъ до такой степени разрушаться какъ подъ вліяніемъ жара, такъ и съ теченіемъ времени, что ихъ даже трудно бываетъ отличить отъ неорганическихъ остатковъ, а съ другой — возникаетъ сомнѣніе, могли ли трупы быть сожгаемы такъ полно, чтобъ отъ нихъ не оставалось и слѣда, когда основной принципъ сожганія покойниковъ у всѣхъ народовъ, производившихъ трупосоженіе, требуетъ, чтобъ остатки покойнаго могли быть собраны. Многочисленныя археологическія изысканія показали, что среди самыхъ обширныхъ кострищъ встрѣчаются все-таки остатки, сохраняющіе по крайней мѣрѣ форму костей; при взглядѣ же на тѣ небольшія кучки угля, которыя мы описали выше, какъ то не вѣрится даже, чтобы здѣсь когда-нибудь могъ быть сожженъ человѣкъ, такъ чтобъ отъ него не осталось и слѣда. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, необходимо признать, что въ курганахъ новгородскихъ встрѣчаются и одни уголья безъ слѣда жженныхъ костей.

Что это за остатки, каково ихъ значеніе, въ какой степени они распространены у другихъ Славянъ — вотъ вопросы, необходимо возникающіе отсюда. Къ сожалѣнію, пока отвѣтить на нихъ не представляется никакой возможности уже потому, что изслѣдователи мало придаютъ значенія отдѣльнымъ кучкамъ угля и зола, заложенымъ въ массѣ кургановъ. Въ виду того, что эти кучки не особенно обыкновенны и встрѣчаются какъ въ курганахъ, содержащихъ кости, такъ

и въ пустыхъ, и притомъ всегда въ толщѣ насыпи, надо допустить неслучайное ихъ образованіе, и мало того, неслучайное и значеніе ихъ. Вѣроятноже всего ихъ сблизить съ господствовавшимъ культомъ небеснаго огня и представителя его—огня земнаго.

Фактъ нахожденія въ нѣкоторыхъ курганахъ Ильменскаго бассейна настоящихъ кострищъ съ остатками женныхъ костей человѣческихъ имѣетъ большое значеніе въ виду заявленія г. Самоквасова, что Новгородскіе Славяне не сожигали своихъ покойниковъ, а погребали ихъ. Здѣсь опять можетъ возникнуть вопросъ: надо ли относить строителей кургановъ къ Славянскому племени. Но такъ какъ для рѣшенія этого вопроса необходимо разсмотрѣніе антропологическихъ данныхъ, то мы отнесемъ свой отвѣтъ къ концу нашего разсужденія. Остатки женныхъ костей мы находили только въ пескѣ, но, по разказамъ другихъ, ихъ выкапывали и въ глиняныхъ сосудахъ. Въ сѣверной части Солонской сонки, третьей Солоницкой, въ двухъ Локотскихъ и одной изъ острокопечныхъ Ларинскихъ эти остатки найдены нами. Въ Солонскомъ курганѣ были вырыты: большое берцо почти цѣльное, часть темянной и масса мелкихъ осколковъ; въ Локотской—цѣлая нижняя челюсть съ атрофированными зубными ячейками и старческою формою измѣненія, а въ остальныхъ—лишь обломки костей, только внимательное разсмотрѣніе которыхъ доказывало ихъ принадлежность человѣку. Остатки эти были окружены почти во всѣхъ случаяхъ (крошъ одного) массою углей, заложенныхъ прямо въ толщѣ кургана; только кости Солоницкой сонки лежали прямо въ земаѣ, но за то недалеко отъ нихъ можно было найти обломки какой-то глиняной посуды, обломки которой составляли часть цилиндрической поверхности. Разуздется, этимъ нельзя еще констатировать фактъ положенія смертныхъ останковъ послѣ сожженія въ урну у Ильменскихъ Славянъ; но если прибавить къ этому показанія крестьянъ дер. Горцы, которые утверждали, что они, при раскопкѣ своего кургана, выкопали большой глиняный горшокъ, наполненный женными человѣческими костями¹⁾, то эти два указанія надо имѣть въ виду въ надеждѣ на будущія разъясненія. Мы, съ своей стороны, твердо убѣждены, что Ильменскіе Славяне въ курганное время и сожигали, и погребали покойниковъ, хотя послѣдняя форма была болѣе употребительною. 1'. Европеусъ²⁾, на основаніи собственныхъ находокъ,

¹⁾ Осколки этого горшка и нѣсколько костей, сложенные въ кучу, мы видели сами; кости были несомнѣнно человѣческія.

²⁾ Д. *Европеусъ*, Нѣсколько соображеній о древнихъ обитателяхъ Европы.

констатируетъ фактъ сожженія труповъ въ Присвири. „Въ предѣлахъ Олонецкой губерніи“, говоритъ онъ, — „и въ прилежащихъ мѣстахъ сожженіе труповъ производилось въ курганное время, но видимо, надъ военными людьми“. Имѣя же въ виду, что по всѣмъ даннымъ, какъ это мы еще увидимъ далѣе, Славяне Присвири и Обонежья были выходцами изъ земли Славянъ Ильменскихъ, мы можемъ безъ всякой натяжки распространить выводъ г. Европеуса и на этихъ послѣднихъ.

Встрѣчаются ли въ курганахъ Ильменскаго бассейна какія-нибудь каменные могилница, въ которыя погребались покойники или ставились урны съ дорогими прахомъ,—это вопросъ, на который отвѣчать трудно. Правда, въ дер. Горцахъ нѣсколько крестьянъ утверждали чуть не клятвою, что, разрывая сопку для исканія клада, они дорылись до какой-то каменной гладкой плиты, которую побоялись сдвинуть изъ страха заклятія; правда, что и нашъ щупъ ощущалъ что-то довольно гладкое и твердое, какъ камень, но изъ этого пока еще ничего не слѣдуетъ. Гораздо интереснѣе и заслуживаютъ большаго вниманія встрѣченныя нами въ полураскопанныхъ нѣкоторыхъ сопкахъ, въ глубинѣ ихъ, поверхности, обложенныя по окружности камнями, на которыхъ можно констатировать слѣды углицъ. Эти поверхности, составляя какъ бы покрывку маленькаго возвышенія, на которомъ онѣ расположены, могутъ разсматриваться съ этими послѣдними какъ аналогичныя съ каменными гробницами другихъ народовъ. Строя небольшую гипотезу, можно съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ принимать даже сопки, обложенныя камнями по всей поверхности, иногда довольно прочно и красиво въ нѣсколько рядовъ, за насыпи, соответствующія каменнымъ гробницамъ и какъ бы замѣняющія эти послѣднія. По крайней мѣрѣ Крашевскій ¹⁾ считаетъ, встрѣчающіяся въ Мазовіи и Литвѣ могилы, даже только обложенныя камнями, за аналогичныя съ могилами каменной эпохи—Steindisfer Германцевъ. Соглашаясь только отчасти съ Крашевскимъ, мы не можемъ не замѣтить, что окладка кургановъ камнями на поверхности можетъ быть обусловлена различными причинами. Не входя въ разборъ мѣстныхъ преданій, утверждающихъ, что въ той или другой сопкѣ (напримѣръ, большой Солоницкой) находятся огромныя каменные погребя, заключающіе въ себѣ клады, мы оставляемъ въ сторонѣ этотъ интересный вопросъ, хотя надо сознаться, что въ этихъ преданіяхъ чуетя доля правды.

¹⁾ Гр. Тышкевичъ, О курганахъ въ Литвѣ.

Что касается нашихъ находокъ, то вещей металлическихъ мы находили очень немного. Интересно то обстоятельство, что во всѣхъ тѣхъ насыпяхъ, гдѣ мы находили длинноголовые черепа, никогда не было и слѣда металла; въ курганахъ же съ черёпами брахикефалическими попадались даже желѣзныя вещи, напримѣръ, нѣчто въ родѣ гвоздей. Желѣзныя пластинки различной длины и формы, нѣчто въ родѣ дверной скобы, пластинка съ отверстиями, найденная въ Солоницкомъ курганѣ (полуразрытомъ), нѣчто въ родѣ ножа (въ Черсичицкой сонкѣ) и другія желѣзныя вещи, не имѣющія опредѣленнаго значенія, были единственными нашими находками. Химическій анализъ желѣза, произведенный г. Башиловымъ, показалъ, что оно состоитъ главнымъ образомъ изъ болотной руды, что и слѣдовало ожидать по богатству Ильменскаго бассейна подобною рудою. Каменныхъ орудій съ явными типическими признаками находить на поверхности кургановъ намъ не удавалось, хотя въ нѣкоторыхъ приостренныхъ камняхъ различной формы и величины можно видѣть слѣды каменнаго вѣка. Къ числу послѣднихъ надо было отнести и круглыя и эллипсоидныя голыши, иногда попадающіеся въ курганахъ, потому что ихъ нѣтъ въ окружающей почвѣ. Значеніе ихъ какъ пращевыхъ, метательныхъ снарядовъ понятно. Главную находку нашу изъ каменныхъ вещей составляетъ широкая треугольной формы съ приостренными краями пластинка изъ твердаго известняка съ слѣдами искусственной обработки, круглое отверстие которой на одномъ изъ угловъ показывало ея значеніе. Упомянемъ также и о тѣхъ небольшихъ кусочкахъ раковистаго известняка, которыхъ у насъ набралось до 12. Интересъ этой находки заключается въ слѣдующемъ. Известнякъ этотъ довольно разнообразнаго цвѣта и весь испещренный отчасти сохранившимися доселѣ раковинками и панцырями мягкотѣлыхъ, а отчасти только слѣдами ихъ, имѣетъ очень красивый раковистый изломъ и мрамороподобную поверхность, какъ бы покрытую орнаментами. На сколько намъ удавалось замѣтить, находится онъ въ огромномъ количествѣ и довольно большихъ размѣровъ только на берегу Ильменя. Около с. Коростыни (на южномъ берегу озера) кусковъ такого известняка можно набрать множество и составить порядочную коллекцію раковинчатыхъ кусковъ самаго разнообразнаго узора. Находка кусочковъ этого известняка въ курганахъ, отстоящихъ на десятки верстъ отъ Ильменя, среди почвы, не носящей вовсе характера алювіальной, доказываетъ очевидно участіе въ этомъ дѣлѣ человѣка. Два такихъ кусочка вмѣстѣ съ описанною каменною пластинкою были найдены на

основаніи Подсошской сопки, разрытой для добыванія гравія на глубинѣ полуаршина. Остальные, большею частью по два и по три, были выполнены изъ Теребиньскаго кургана (3), второй вторичной Шинковой сопки (2), Ладышкинской и Коровичинской по одному и Яблонской (2). Можно допустить предположеніе, что эти красивые кусочки известняка, формы нѣсколько закругленной и одинаковой величины, служили древнему человѣку или какъ украшеніе, или же какъ талисманы.

V.

Обращаемся теперь къ описанію находокъ, составлявшихъ для насъ всегда главную цѣль, находокъ,—которыхъ одно названіе спасало отъ расхищенія, и которыя потому встрѣчаются въ значительномъ количествѣ. Мы говоримъ о костяхъ человѣческихъ и животныхъ.

Ни одними археологическими находками такъ не богаты курганы, какъ человѣческими костями, и въ этомъ выражается вообще одинъ изъ главныхъ принциповъ насыпанія кургановъ у всѣхъ почти народовъ міра. Пасыпи, могилница надъ трупомъ или прахомъ покойнаго сооружались, начиная отъ сѣвера Европы и Азии (скандинавскіе и сибирскіе курганы) до странъ тропическихъ Африки и Америки (берберійскія и мексиканскія насыпи). Славяне особенно любили насыпать надъ своими отцами и дѣдами курганы, которые въ разныхъ мѣстахъ Русской земли называются различными именами. Волотовки, могилы, могилки, мары, марещы, робленницы, сопки, концы, холмища, литовскія, татарскія и шведскія могилы—все это тѣ же самые курганы, которые въ области Ильменскаго бассейна называются повсемѣстно сопками (слово, очевидно, одного происхожденія съ глаголомъ: сыпать). Слово курганъ въ этой мѣстности даже неизвѣстно въ простонародьи, не смотря на то, что оно употреблялось по крайней мѣрѣ въ книжномъ языкѣ уже давно. Такъ, въ Новгородской лѣтописи подъ 1224 годомъ упоминается „половчскій курганъ“¹⁾. Однимъ изъ древнихъ названій кургановъ было также холмище и коломище, которое напрасно г. Европеусъ производитъ отъ финскаго *kalmisto*—могилице¹⁾. Не у Финновъ или Угровъ Славяне заимствовали обычай сыпать курганы, а принесли его изъ своей арійской прародины. Самыя названія этихъ

¹⁾ Д. Европеусъ, Объ Угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней сѣверной Россіи. Въ Новгородской губерніи кюмпи, лежащія при основаніи сопки и образующіе кольцо изъ окружающее, называются *коло*, *коломище*.

насыпей показываютъ скорѣе восточное происхождение ¹⁾. Финскія названія кургановъ *kokko* и *hautakokko* не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ славянскими названіями этихъ могильныхъ насыпей.

Курганы, такимъ образомъ, въ значительномъ большинствѣ сыпались съ цѣлью служить надгробными памятниками надъ прахомъ погребенныхъ подъ ними. Сообразно съ этимъ назначеніемъ большинство ихъ заключаетъ въ себѣ человѣческіе остатки. Въ сопкахъ Ильменскаго бассейна надо различать нѣсколько категорій кургановъ, и параллельно съ этимъ, и цѣля ихъ сооруженій, а потому процентъ кургановъ, заключающихъ въ себѣ кости, значительно ниже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Не смотря на то, мы все-таки можемъ указать нѣсколько десятковъ кургановъ, въ которыхъ достовѣрно находились кости, и преимущественно кости человѣческія; во многихъ сопкахъ встрѣчаются также лошадиныя кости, очень рѣдко бычачьи; останковъ другихъ животныхъ мы не встрѣчали. Затѣмъ могильныя насыпи, заключающія въ себѣ человѣческія кости, должно раздѣлять на могилы для одного человѣка и на могилы общія, покрывающія смертные останки нѣсколькихъ или многихъ людей. Могилы первой категоріи насыпались, безъ сомнѣнія, надъ людьми, чѣмъ-нибудь выдававшимися при жизни. Народная память указываетъ даже имена нѣкоторыхъ изъ этихъ героевъ. Такъ, въ Олонецкой губерніи есть могилница, подъ которыми — по народному преданію — погребены: Памель-богатырь, Улей-богатырь — имена очевидно финскаго происхожденія: финск. *raimes*, настухъ, впрочемъ слово, по мнѣнію г. Алквиста, происходящее изъ литовскаго языка; финск. *uljas* значитъ великанъ, также какъ и имена братьевъ-богатырей Веси и Перши, коихъ могилы, по словамъ г. Ефименка ²⁾, находятся на берегахъ р. Шорды. Такихъ одиночныхъ богатырскихъ кургановъ мы, по своимъ недостаточнымъ средствамъ, изслѣдовать не могли надлежащимъ образомъ, а потому многія изъ тѣхъ насыпей, которыя мы считаемъ пустыми, могутъ оказаться содержащими кости одного или нѣсколькихъ человѣкъ въ глубинѣ могилы. О значеніи пустыхъ кургановъ мы еще будемъ имѣть случай сказать нѣсколько далѣе.

Главную массу всего антропологическаго матеріала, бывшаго у

¹⁾ Слово курганъ, по Мухлинскому, происходитъ отъ персидск. *gur* или тюркск. корня — *kyrk* (всякое возвышеніе). По Крашевскому, новоперсидск. *gurshané* означаетъ домъ могилы.

²⁾ *Извѣстія Импер. Археол. Общества.*

насъ подъ руками, мы собрали изъ такъ-называемыхъ „общихъ могилъ“. Эти сопки могутъ заключать остатки какъ нѣсколькихъ человѣкъ, такъ и множества погребенныхъ; нѣкоторые курганы до того богаты костями, что, кажется, они покрываютъ цѣлую кучу человѣческихъ останковъ. Такова, напримѣръ, Лунышинская сопка; изъ нея въ трехъ мѣстахъ, начиная раскопку простымъ ножомъ, мы получили три совершенно почти цѣлыя черепа, шесть цѣлыхъ большеберцовыхъ костей, пять плечевыхъ, три лучевыхъ и множество другихъ нецѣльныхъ. Курганы, подобные Лунышинскому, по всему вѣроятію, насыпались на поляхъ сраженій, надъ могилами убитыхъ солдатниковъ, а быть можетъ, и враговъ. Интересное сопоставленіе трехъ череповъ Лунышинской сопки, имѣющихъ для головнаго указателя ¹⁾ отношенія 70, 78 и 81: 100, то-есть, череповъ долихоцефалическаго и почти брахикефалическаго (овальнаго по Велькеру), позволяетъ по крайней мѣрѣ предполагать, что погребенные здѣсь принадлежали не къ одному племени, если черепа ихъ имѣютъ различные противоположныя краінометрическіе типы. Подобныхъ примѣровъ, хотя не столь рѣзкихъ, мы можемъ привести нѣсколько. Такъ, въ Тереминьевскомъ курганѣ, тоже богатомъ костями, мы нашли четыре черепа съ головными индексами 72, 76, 82, 84, представляющими разныя градации перехода долихоцефалии къ брахикефалию и едва ли принадлежавшими людямъ одного и того же племени.

Прежде чѣмъ разсмотрѣть антропологическій матеріалъ во всей его подробности, считаемъ необходимымъ предпослать указаніе тѣхъ кургановъ, въ которыхъ мы или другія лица встрѣчали человѣческія кости. Въ сопкахъ у д. Ускибья, двухъ Подгощинскихъ, трехъ Солоницкихъ, Солобской первой и второй, двухъ Лобынскихъ, двухъ Рябовскихъ, Оаддѣевской, Мало-Витонской и 3 Больше-Витонскихъ, Лунышинской, Шиловской, Коломенскихъ двухъ, Тереминьскихъ четырехъ, Залучьевской, Нагаткинской, Боровицкой, Ладышкинской, Стехповской, Риковской, двухъ Коньковскихъ, обѣихъ Лызинскихъ и нѣкоторыхъ другихъ мы выкапывали кости сами.

Г. Кульжинскій находилъ кости въ курганахъ при дд. Горки, Ускибье, Солоницкѣ, Солобскѣ, Оаддѣевѣ, Подсоюнѣ, Коломнѣ, За-

¹⁾ Головнымъ указателемъ или индексомъ называется отношеніе наибольшей ширины черепа къ его наибольшему переднезаднему поперечнику; формула его = $\frac{\text{наиб. шир.} \times 100}{\text{передн. задн. поперечн.}}$

лучьѣ, Мануиловѣ, Городеѣ, Сурикахъ; по словамъ мѣстныхъ обитателей, видѣли и вынаживали кости также изъ кургановъ Громкова, Булакова, Толокнянца, Филипповой горы и др. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ костесодержащихъ сопкахъ на ряду съ человѣческими находили еще и кости животныхъ,—по преимуществу лошадиныя. Если справедливо предположеніе, что общія могилы насыпаны надъ тѣлами погибшихъ въ сраженіяхъ, то очень понятно, что и конскія кости перемѣшаны съ людскими. Одно только обстоятельство смущаетъ насъ; именно—въ Залучьевскомъ курганѣ, гдѣ мы нашли три явно долихокефалическіе черепа, находились и двѣ лошадиныя берцовыя кости и половина челюсти съ двумя коренными зубами. Такъ какъ длинноголовые черепа надо отнести ко временамъ довольно отдаленнымъ и къ народамъ, едва ли умѣвшимъ приручать животныхъ—искусство, принесенное арійскими короткоголовыми народами,—то и присутствіе конскихъ костей на ряду съ костями долихокефалическаго человѣка кажется подозрительнымъ. Подозрѣніе это еще болѣе усиливается даже на глазъ видимою неодинаковою ихъ свѣжестью; лошадиныя кости кажутся сочнѣе и моложе человѣческихъ. Это обстоятельство даетъ намъ случай сказать нѣсколько словъ объ опредѣленіи свѣжести костей, о приблизительной ихъ древности, а также и о томъ, что въ каждомъ данномъ курганѣ могутъ находиться тѣла людей, неодновременно погребенныхъ. Постараемся все это разъяснить примѣрами.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ французскихъ журналовъ мы прочитали объ открытіи химикомъ Куэрбомъ способа приблизительнаго опредѣленія древности человѣческихъ костей. Способъ этотъ основанъ на открытомъ Фогельзандомъ явленіи, что кость человѣка при извѣстныхъ условіяхъ черезъ 11 столѣтій представляетъ только слѣды органическаго вещества. Принимая, согласно съ Берцелиусомъ, что свѣжая кость содержитъ въ себѣ около 33% органическаго вещества, и имѣя въ виду открытія Фогельзанда, Куэрбъ предположилъ, что зарытая кость въ теченіе столѣтій теряетъ около 3 частей своего органическаго вещества, и что если цифру, выражающую потерю органическихъ соединеній въ кости, раздѣлить на три, то частное покажетъ возрастъ или древность кости въ столѣтіяхъ. Въ нѣсколькихъ случаяхъ Куэрбу удалось подтвердить свое предположеніе химическимъ анализомъ костей извѣстной древности ¹⁾.

¹⁾ Такъ, Куэрбъ разложилъ часть femoris скелета, найденнаго въ каменной гробницѣ въ валу замка Вертейль, и нашелъ, что въ кости ея заключалось вмѣсто

Заинтересовавшись этимъ открытіемъ Куэрба, мы стали пробовать примѣнять его способъ на костяхъ болѣе или менѣе извѣстной древности, тѣмъ болѣе, что имѣли почву и другія условія совершенно такія же, какъ у Куэрба. Проверка эта была производима надъ костями прежняго старорусскаго Успенскаго кладбища, которое лѣтомъ 1880 г. было разриваемо для постановки на его мѣстѣ церкви.

Могильныя плиты, древность гробовыхъ досокъ, остатки одежды и другія вещи, найденныя въ землѣ вмѣстѣ съ костями, позволяли намъ ориентироваться на счетъ времени погребенія тѣхъ или другихъ костей; въ двухъ случаяхъ мы находили при черепахъ монеты XVII и XVIII столѣтій ¹⁾, что лучше всего доказывало время погребенія. Результаты нашихъ пробѣрочныхъ опытовъ оказались чрезвычайно близкими къ результатамъ Фогельзанда и Куэрба. Все дѣло заключается въ томъ, что различные анализы свѣжихъ костей у различныхъ авторовъ не одинаковы; такъ, у Берцелиуса показано въ свѣжей кости 33%, а у другихъ около 35% и даже 30%. ²⁾ Мы принимали во вниманіе только анализъ Берцелиуса. Высушенная добытая кость и потомъ сжигая ея въ графитовомъ тиглѣ, мы брали разность ея вѣса до сожженія и послѣ сожженія. Разность эта и показывала абсолютную убыль органическаго вещества, обуглившася подъ вліяніемъ жара; абсолютную убыль уже легко было выразить въ процентномъ содержаніи. Въ 22 анализахъ, произведенныхъ надъ восемью костями, получились одинаковые результаты, точные до десятыхъ. Въ тѣхъ двухъ случаяхъ, когда древность кости была засвидѣтельствована годомъ монеты, и въ третьемъ, гдѣ первыя 2 цифры, удѣлѣвшія на обломкѣ плиты, давали точныя указанія, результатъ химическаго анализа дѣйствительно поразителенъ. Кости, извлеченныя изъ земли, послѣ сожженія дали убыль въ 6, 4¹/₂, 4²/₄ и 6¹/₂ % соответственно ихъ леглости отъ 260 до 150 гѣтъ, то-есть, результатъ почти тождественный съ результатами Куэрба и Фогельзанда.

33% всего только 10% органическаго вещества. Такъ какъ потеря органическихъ соединеній равнялась 23%, то Куэрбъ заключилъ, что кости пролежали въ землѣ около 750 лѣтъ. Лео Друеновъ, членъ Бордосской академіи, подтвердилъ вскорѣ археологически мнѣніе Куэрба.

¹⁾ Монеты эти, вѣроятно, были положены на глаза покойниковъ, какъ это дѣлается и нынѣ.

²⁾ Эта разница главнымъ образомъ зависѣла отъ того, что разные авторы не высушивали надлежащимъ образомъ костей. Часть воды, заключающаяся въ связанномъ состояніи, съ органическими веществами увеличивала ихъ пайность въ кости.

Провѣривъ такимъ образомъ, на сколько было возможно, этотъ способъ опредѣленія приблизительной древности погребенныхъ костей, мы вздумали приложить его и къ костямъ, добытымъ изъ кургановъ. Разуmѣется, здѣсь при разнообразіи условій атмосферическихъ и теллурическихъ нельзя было и думать о такихъ достаточно близкихъ цифрахъ, какія получались при изслѣдованіи кладбищенскихъ костей; но сообразно съ другими условіями и надежды наши не такъ были обширны. Намъ могутъ возразить, что матеріалъ, изъ котораго сыпаны курганы, неодинаковъ, что имъ можетъ служить и песокъ, и глина, и щебень, и гравій, и пахатная земля, и перегнойныя вещества, заключающія въ себѣ креповую и гуминовую кислоты, способны дѣйствовать растворяющимъ образомъ даже на неорганическія составныя части костей; могутъ возразить и то, что самыя мѣстныя условія *ceteris paribus*, въ родѣ подпочвенной воды, особаго благоприятнаго всасыванія вслѣдствіе хорошаго провѣтриванія почвеннаго воздуха, разныя колебанія температуры, зависящія отъ теллурическихъ причинъ, и много еще другихъ условій необходимо вліяютъ на точность результата. Все это такъ, но мы далеко не ко всѣмъ курганамъ и условіямъ примѣняемъ способъ Куэрба, да и примѣняемъ его только для приблизительнаго, а не окончательнаго сужденія о древности вырванныхъ костей. Притомъ мы высказываемся только нѣсколько опредѣленно о костяхъ такихъ кургановъ, какъ Лунышинскій, которыхъ мѣстныя условія близко подходятъ къ условіямъ почвы Успенскаго кладбища, достаточно нами изученнымъ; говоримъ крайне осторожно о костяхъ кургановъ, сыпанныхъ изъ смѣшаннаго матеріала, и совершенно умалчиваемъ о древности костей, извлеченныхъ изъ почвы, богатой перегнойными началами, хотя, строго говоря, никакой ошибки не будетъ, если и относительно послѣднихъ мы рѣшимся замѣтить, что та кость старше, которая потеряла больше органическаго вещества.

Не распространялись далѣе о выгодахъ способа Куэрба, употребляемаго съ осторожностью, замѣтимъ только, что, не смотря на всѣ возраженія, которые могутъ быть сдѣланы противъ него, онъ все-таки представляетъ первую и довольно хорошую попытку примѣнить химическій анализъ къ антропологии. Дальнѣйшія работы въ этомъ направленіи, по всей вѣроятности, дадутъ лучшіе результаты, и есть надежда, что, если не огульное опредѣленіе количества органическаго вещества въ кости, то болѣе тонкій анализъ химическихъ составныхъ частей ея дастъ болѣе вѣрный критеріумъ. Такъ, по сообщенію,

которое сдѣлалъ намъ профессоръ Доброславинъ,—въ недавно произведенныхъ въ Берлинѣ опытахъ оказалось, что черезъ столѣтіе желатина кости вовсе не убыла, другія же соединенія относились не такъ. Опредѣленіе количественной убыли съ теченіемъ времени болѣе плотныхъ неорганическихъ соединеній кости въ родѣ труднопоглощающихся известковыхъ солей, фосфорной угольной кислоты и фтористаго кальція, по всей вѣроятности, имѣютъ значеніе еще болѣе важное, чѣмъ огульное опредѣленіе количества всѣхъ органическихъ веществъ.

Руководствуясь изложенными соображеніями, мы подвергли количественному анализу всѣ кости, добываемыя изъ кургановъ. Для ускоренія работы мы клали въ каждый тигель по нѣскольку кусочковъ костей, отдѣляя ихъ другъ отъ друга графитными перемычками. Такимъ образомъ было произведено нѣсколько десятковъ анализовъ. Полученные результаты очень интересны въ томъ отношеніи, что для костей одного и того же кургана получалось различное содержаніе органическаго вещества. Въ этихъ случаяхъ, разумѣется, было бы крайней натяжкой объяснять эти разницы какими-либо загадочными мѣстными вліяніями, специфически отличающимися отъ вліяній, дѣйствующихъ на одни и тѣ же данныя на разстояніи нѣсколькихъ футовъ или дюймовъ. Всего проще и естественнѣе эти разности объясняются неодновременнымъ погребеніемъ въ данную почву тѣхъ или другихъ костей. Для того, чтобы нагляднѣе показать различное процентное содержаніе въ костяхъ одной и той же сопеи, приводимъ небольшую таблицку, составленную на основаніи многихъ анализовъ и взвѣшиваній ¹⁾.

¹⁾ Въ слѣдующей таблицѣ 0% означаетъ или нулевое, или минимальное количество органическаго вещества, открываемаго только другими реакціями.

Название кур-гана.	Название кости.	Процентное содержание органических веществъ.	Некоторые мѣстные условия.
Лунышно	<i>Ossa femoris etc.</i>	0%, 10, 20, 23, 25	Песокъ, мелкій щебень; на глубинѣ 1/3 ф.—3
	<i>Ossa pariet. et vertebrae etc.</i>	0%, 9, 21, 24	
Соловцово 3-й	<i>Ossa manus</i>	0%, 20, 22	Песокъ, гравій и перөгной; на поверхности и на глуб. 1/3 ф.—4 ф.
Соловцовъ Старый	<i>Costae, vertebrae</i>	0%, 14, 23, 26	Песокъ, глина и черноземъ; на глуб. 1/2 ф.
Конечекъ	<i>Vertebrae, olecranon.</i>	2, 8, 24	Смѣшанная почва; на глуб. 1/2 фута.
Теребяны	<i>Ossa longa</i>	0%, 4, 8, 14, 19, 24	У подошвы, богатой перегноемъ; на глуб. 2 л.—3 ф.
Ладышкано	<i>Ossa spongiosa</i>	12, 18, 26	Песокъ и глина; на глубинѣ 2 футагоь.
Большая Витоль	<i>Ossa longa</i>	0, 12, 24	На половину черноземъ; на глуб. 1 1/2 ф.
	<i>Ossa spongiosa</i>	0, 24, 23, 5	
Стехнова	<i>Ossa cranii.</i>	18, 23, 25, 26	Въ перөгной; на поверхн. и на глуб. 1 1/2 ф.
Залучье	<i>Ossa pelvis</i>	0, 4, 6:	Песокъ и щебень; на глубинѣ 3 ф.
Рябово 2-й	<i>Ossa longa</i>	0, 20, 24	Черноземъ съ пескомъ; на глубинѣ 1 ф.
Коломна	<i>Costae, vertebrae</i>	0, 10, 23	Пахатная земля; на глубинѣ 2 ф.
Лобны	<i>Ossa longa</i>	0, 14, 16	Смѣшанная почва; на глубинѣ 3, 5 ф.
Фадѣево	<i>Ossa cranii</i>	0, 8, 18, 23	Смѣшанная почва; на поверхности.

Изъ этой таблицы какъ нельзя болѣе ясно слѣдуетъ, что кости одного и того же кургана, слѣдовательно, поставленныя въ болѣе или менѣе одинаковыя условія, могутъ отличать другъ отъ друга процентнымъ содержаніемъ органическаго вещества въ такихъ широкихъ предѣлахъ, что становится непонятнымъ, чтобы онѣ принадлежали къ одному и тому же времени. Если въ костяхъ Лунышинской, Солобской, Тереминьевской, Стехновской, Оаддѣвской и другихъ сопкахъ колебаніе процентнаго содержанія органическаго вещества можетъ простираться отъ 0% до 23% и болѣе, и если кости эти лежатъ недалеко одна отъ другой и даже смѣшаны, то очевидно, при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, есть еще факторъ, обуславливающій эти различія. Этимъ факторомъ, очевидно, можетъ быть только время. Не будемъ пытаться опредѣлять по способу Куэрба и Фогельзанда количество времени, потребнаго для исчезновенія того или другаго процента органическихъ соединеній изъ костей, потому что для насъ важна не абсолютная, а относительная его величина. Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что всѣ по крайней мѣрѣ осизаемыя условія для старанія органическихъ соединеній одинаковы въ нѣкоторыхъ курганахъ (напримѣръ, Лунышинскомъ, Солобскомъ, Залучевскомъ) съ условіями, представляемыми почвою Успенскаго кладбища, изученною нами по отношенію ея къ окисленію и разложенію органическихъ продуктовъ,—не будетъ большою натяжкой передать процентное содержаніе въ цифрахъ, относящихся ко времени. 26% содержаніе органическаго вещества въ кости будетъ соответствовать почти 225 лѣтней ея древности, 24%—300 лѣтней, 21%—400 лѣтней, 18%—500 лѣтней, 15%—600 лѣтней и наконецъ, 0% содержаніе будетъ относиться къ кости, пролежавшей въ землѣ болѣе чѣмъ 11 столѣтій.

Не увлекаясь слишкомъ послѣдними цифрами, разберемъ еще значеніе одновременнаго погребенія костей въ нѣкоторыхъ курганахъ Ильменскаго бассейна и постараемся объяснить по возможности этотъ, по видимому, странный фактъ. Въ силу извѣстнаго обычая Славяне, какъ и другіе народы, насыпали высокія могилы надъ прахомъ своихъ покойниковъ, творя на вершинахъ ихъ тризны въ честь погребеннаго. Съ теченіемъ времени, и особенно съ принятіемъ христіанства, старавшагося подавить всякое воспоминаніе о язычествѣ, обычай сыпать курганы прекратился самъ собою, но почитаніе этихъ древнихъ могилъ осталось еще на многія столѣтія. Въ силу старинныхъ традицій, быть можетъ, и въ впервые вѣка христіанскій эпохи Славяне или Чудь Ильменская клали своихъ покойниковъ, разумѣется, не

всѣхъ, а только чѣмъ-либо возвышавшихся надъ толпою, въ готовыя могилница рядомъ съ погребенными тамъ издавна. Это, безъ сомнѣнія, считалось великою честью, и не даромъ говоритъ народная молва, что и знаменитые разбойничьи атаманы приказывали себя хоронити подъ высокими курганами. Быть можетъ также, что Славяне или Чудь Новгородская пользовались сухою почвою кургановъ для зарыванія труповъ во время эпидемій и во время непріятельскихъ нашествій, какъ объ этомъ сохраняются и до днесь преданія, связующія большинство старо-русскихъ кургановъ съ литовскимъ разореніемъ, а также съ какимъ-то великимъ моромъ, истребившимъ множество жителей. Свидѣтельство посланія Московскаго митрополита въ Новгородскую область въ 1534 г. (Дополн. къ Ак. Ист., I), что въ Чуди мертвыхъ кладутъ по курганамъ и коломицамъ (холмицамъ, по объясненію г. Аристова), никакъ не можетъ имѣть другаго значенія, какъ то, что покойниковъ въ Новгородской области даже въ XVI вѣкѣ погребали иногда въ курганахъ. Но изъ засвидѣльствованія факта погребенія далеко не слѣдуетъ фактъ насыпанія могильныхъ коломищъ. Если въ Лунышинской, Витонской и другихъ сопкахъ на ряду съ костями, которыя дѣйствительно можно относить по процентному содержанію органическихъ соединеній ко временамъ болѣе новымъ и даже къ XVI вѣку, попадаются кости, которыхъ древность доказывается долихокефаліей, то становится несомнѣннымъ, что данный курганъ былъ насыпанъ только надъ послѣдними. Къ тому же приводитъ и обстоятельство — недостаточно впрочемъ прослѣженное нами, что обыкновенно кости болѣе древнія попадаютъ какъ въ наибольшихъ глубинахъ, такъ и ближе къ подошвѣ кургановъ: обстоятельство, не лишенное значенія. Подобный смыслъ имѣетъ, по нашему мнѣнію, и другой фактъ, по видимому, не рѣдко замѣчаемый при изученіи сопокъ Ильменскаго бассейна, именно — что нѣкоторые курганы представляютъ довольно разнообразный матеріалъ. Песокъ, щебень, глина, гравій, черноземъ и другія начала своимъ послѣдовательнымъ расположеніемъ съ одной стороны, и не симметрическою насыпкою — съ другой, не разъ наводили насъ на мысль о послѣдовательныхъ наслоеніяхъ, а слѣдовательно, на предположеніе о добавочныхъ насыпкахъ. Мы говорили уже, что матеріалъ, изъ котораго сыпалась курганы, по всей вѣроятности, имѣлъ какое-нибудь значеніе, хотя въ смыслѣ практическомъ; но изъ этого факта необходимо вытекаетъ слѣдствіе, что строители могильныхъ насыпей заботились объ однообразіи и чистотѣ

матеріала. О подобныхъ же стремленіяхъ во времена добавочныхъ насыпокъ, когда строеніе кургановъ потеряло почти свое значеніе, распространяться нечего. Мы не безъ умысла говоримъ нѣсколько подробно о всѣхъ этихъ кажущихся мелочахъ, потому что онѣ, по нашему мнѣнію, имѣютъ не только значительный интересъ, но и дѣйствительное значеніе. Приблизительное опредѣленіе древности костей, хотя относительной, ихъ положеніе по отношенію къ различнымъ наслоеніямъ, изученіе этихъ послѣднихъ въ смыслѣ послѣдовательности,—все это можетъ дать много указаній для археологій, тѣмъ болѣе, что на это почти не обращалось никакого вниманія.

Говоря объ остаткахъ человѣческихъ, находимыхъ въ сопкахъ Ильменскаго бассейна, мы не можемъ не упомянуть еще объ обстоятельстве, также заслуживающемъ вниманія. Въ мѣстномъ населеніи распространено убѣжденіе, что въ курганахъ покоятся люди необыкновенныхъ размѣровъ, превосходящихъ самый высочій ростъ человѣскій. Убѣжденіе это поддерживалось и поддерживается выкапываемыми по временамъ при частичныхъ раскопкахъ костями необыкновенной величины. Г. Кулжинскій говоритъ, напримѣръ, что въ сопкѣ при д. Оаддѣвѣ нашли недавно человѣческой огромный черепъ съ разстояніями между глазными ямками въ 4 вершка и голennую кость ¹⁾ въ 1¹/₂ арш. длиною, которыя были снова зарыты. Намъ приходилось также не разъ во многихъ мѣстахъ слышать подобныя заявленія даже отъ людей болѣе или менѣе интеллигентныхъ. Долго мы недоумѣвали на счетъ этихъ гигантскихъ костей, пока случай не доставилъ намъ возможности изслѣдовать одну изъ такихъ костей-сопѣлокъ, которую одинъ изъ мѣстныхъ археологовъ призналъ за берцо чловѣка-исполина. Но дѣло въ томъ, что видѣвшіе и наблюдавшіе подобныя диковинки были плохіе анатомы и еще худшіе антропологи. Смѣшивая лошадиныя кости съ человѣческими, они распространяли фавулу о погребенныхъ богатыряхъ, какъ наблюденный и проверенный ими фактъ. Изслѣдованная нами исполинская кость оказалась бедряною костью рослаго коня и была найдена въ Солопскомъ курганѣ. Приведемъ встать нѣсколько данныхъ относительно роста людей, погребенныхъ въ сопкахъ Ильменскаго бассейна. Измѣреніе дѣлалось почти во всѣхъ случаяхъ только на основаніи формулъ, дан-

¹⁾ По мѣстному выраженію, колѣнныя, бедренныя и берцовыя кости называются сопѣлками, тогда какъ кости черепа—чашами.

ныхъ Гексли и Гѣмфри¹⁾ для измѣренія общаго роста по отношенію къ нему туловища и конечностей.

Кости Солобска . . .	дали	1,650 м.;	1,630 м.;	1,668 м.	
> Луныниша . . .	>	1,710 >	1,690 >	1,720 >	1,630 м.
> Лисьихъ горокъ >	>	1,600 >	1,630 >	1,580 >	
> Оаддѣва . . .	>	1,660 >	1,620 >	1,690 >	
> Залучья . . .	>	1,720 >	1,700 >	1,630 >	

Эта табличка показываетъ, что ростъ людей, прахъ которыхъ похороненъ подъ новгородскими курганами, не только не превосходитъ обыкновеннаго человѣческаго роста, но бываетъ ниже средняго и даже низкаго. Еще скелеты Лунынишской сопки могутъ быть причислены къ высокимъ; за то скелеты Лисьихъ горокъ принадлежатъ людямъ роста ниже средняго и низкаго. Замѣтимъ при этомъ, что приблизительная величина роста нашихъ предковъ должна быть увеличена нѣсколькими миллиметрами, такъ какъ мягкія части, отсутствующія на скелетѣ, увеличиваютъ ростъ живаго человѣка. Черепъ съ четырехвершковымъ межглазнымъ промежуткомъ долженъ быть отнесенъ къ области фабулъ, тогда какъ разказы о длинныхъ и узкихъ черепахъ (головахъ, по мѣстному прозванію) имѣютъ свое основаніе, какъ народныя выраженія краниометрическаго типа.

Въ краниометрическомъ отношеніи курганы Ильменскаго бассейна представляютъ еще болѣе интереса. Д-ръ Л. К. Ивановскій своими раскопками многихъ сотенъ сопокъ въ сѣверо-восточной части древней Новгородской области уже показалъ, какой богатый антропологическій матеріалъ заключается въ нихъ, и чего можетъ ожидать русская исторія отъ возможно полнаго знакомства съ черепами этой области. Не будучи достаточно знакомъ съ цифровыми данными д-ра Ивановскаго, не можемъ привести ихъ здѣсь, хотя, на сколько намъ извѣстно, долихокефаличность многихъ череповъ изъ кургановъ этой области была имъ доказана краниометрически.

Долихокефаличность значительной части череповъ, добытыхъ нами изъ сопокъ Ильменскаго бассейна, представляетъ также главную антропологическую ихъ особенность, такъ какъ ея присутствіе даетъ намъ право сопоставить черепа изслѣдуемой мѣстности съ длинноголовыми черепами кургановъ средней и западной Россіи. Съ другой стороны, присутствіе рядомъ съ долихокефалическими черепами и че-

¹⁾ Гексли, Положеніе человѣка въ природѣ. Переводъ А. Бекстова; Гѣмфри, At Treatise on the Human Skeleton 1858.

реповъ брахикефалическихъ даетъ возможность опредѣлить отношеніе ихъ между собою. Такъ какъ тотъ и другой краниометрической типъ не можетъ принадлежать одному и тому же народу въ данное время, то изъ одного совмѣстнаго существованія въ данномъ курганѣ череповъ различныхъ типовъ можно вывести, что подъ нимъ погребены люди, принадлежавшіе не только къ различнымъ національностямъ, но и не къ одной и той же расѣ. Это есть необходимое слѣдствіе изъ подобныхъ краниометрическихъ данныхъ, дающихъ, кромѣ того, еще и другіе результаты, которыхъ сущность будетъ понятнѣе изъ разсмотрѣнія череповъ въ краниометрическомъ отношеніи. Въ основаніе дальнѣйшихъ разсужденій мы положимъ слѣдующую таблицу, въ составъ которой вошли цифровыя данныя, полученныя нами при изученіи череповъ, найденныхъ въ различныхъ курганахъ.

Головной индексъ череповъ.

Изъ кургана	Лунынина . . .	I=70;	II=78;	III=81.
»	Солобска . . .	I=75;	II=82.	
»	Лзы . . .	I=82;	II=82,5;	III=82,8.
»	Теребицей . . .	I=72;	II=76;	III=82; IV=84.
»	Рыдна . . .	I=73;	II=80.	
»	Рыкова . . .	I=75;	II=75,5.	
»	Шиловой горы . .	I=82,8;	II=83,5.	
»	Лобны . . .	I=82,5;	II=83.	
»	Залучья . . .	I=69;	II=70,2;	III=74; IV=81.
»	Гордовъ . . .	I=82;	II=83,4;	III=83,6.
»	Локотска . . .	I=80.		
»	Нагаткина . . .	I=82;	II=82,5.	
»	Большой Витони .	I=72;	II=76.	
»	Подгощъ . . .	I=69,2;	II=70;	III=72.

Принимая раздѣленіе Поля Брока, что черепа съ головнымъ указателемъ меньше 75 будутъ длинноголовными, черепа съ указателемъ до 77,77 — поддлинноголовными, черепа съ указателемъ до 88,00 — среднеголовными, черепа съ указателемъ до 83,33 — подкороткоголовными, и черепа съ указателемъ выше 83,33 — короткоголовными, получимъ на 35 измѣренныхъ нами череповъ 12 настоящихъ долихокефалическихъ, 3 субдолихокефалическихъ, 3 среднеголовныхъ, 13 суббрахикефалическихъ и 4 настоящихъ короткоголовныхъ. Выражая эти цифры въ процентномъ содержаніи, мы получимъ для долихокефалии вмѣстѣ съ поддлинноголовностью — 42,85%, для брахикефалии съ подкороткоголовностью — 48,57%; для мезокефалии тогда остается всего 8,68% всего числа череповъ. Разсматривая черепа различныхъ ти-

повъ по отношенію къ ихъ совмѣстному нахожденію, увидимъ въ этомъ отношеніи чрезвычайную оригинальность, едва ли встрѣчавшуюся въ другихъ мѣстахъ. Увидимъ, что, съ одной стороны, существуютъ курганы, заключающіе въ себѣ черепа одного и того же типа—долихоцефалическаго или брахикефалическаго, а съ другой—существуютъ и такіе курганы, черепа которыхъ имѣютъ крайне противоположные головные индексы. Такъ курганы при д. Лязяхъ, Шиловой горѣ, Лобыняхъ, Горцахъ, Начаткинѣ заключаютъ въ себѣ черепа только короткоголоваго типа съ указателями отъ 82 до 83,5, а сопки Рыкова, Большой Витони и Подгоць—только долихоцефалическіе черепа съ индексомъ отъ 69,2 до 76; курганы же у Лупышина, Солобска, Теребиной, Рыдина и Залучья совмѣщаютъ въ себѣ черепа различныхъ типовъ съ такими крайними указателями, какъ 69 и 84. Хотя брахикефалія, по видимому, и беретъ перевѣсъ надъ долихоцефаліей (17 на 15) вообще, какъ это видно изъ предыдущаго, но этому—думаемъ—не слѣдуетъ придавать абсолютнаго значенія потому, что надо имѣть въ виду возможность вторичнаго погребенія и болѣе глубокое положеніе долихоцефалическихъ череповъ вообще. Къ этому надо еще прибавить, что мы не проникали въ самую толщу кургановъ, а дѣлали поиски только ближе къ периферіи. Изъ всего же сказаннаго, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ, что если долихоцефалія была такъ ясно выражена въ находкахъ, относящихся къ болѣе поверхностнымъ слоямъ, то перевѣсъ ея надъ брахикефаліей вообще, по всей вѣроятности, имѣетъ мѣсто и въ курганныхъ черепахъ Ильменскаго бассейна, какъ это доказано для мѣстностей средней Россіи. Профессоръ Богдановъ ¹⁾ для череповъ Московской губерніи принимаетъ 56,4% длинноголовости, если соединять долихоцефалію съ субдолихоцефаліей, и всего 22% короткоголовости, оставляя на долю среднеголовыхъ (*Orthocephali*) еще цѣлыхъ 20,7%; около тѣхъ же самыхъ цифръ стоятъ черсна и другихъ смежныхъ съ Московскою губерніей мѣстностей; къ подобнымъ же цифрамъ, нужно ожидать, будутъ сведены и наши 42,85%, 47,57% и 8,68%. Весьма поучительно при этомъ, что, съ одной стороны, изъ 35 череповъ мы не нашли ни одного съ такою крайнею длинноголовостью, какъ находилъ проф. Богдановъ въ московскихъ курганахъ съ индексомъ въ 65 (у насъ наименьшими были указатели Подгощинскаго и Залучьевскаго чере-

¹⁾ А. Богдановъ, Матеріалы для антропологии курганнаго періода въ Московской губерніи. *Изв. Имп. Общ. Люб. Еств.* 1867 г.

повъ—69 и 69,2), а съ другой—что всего приходилось 11,4% чистой брахицефалии, при чемъ только одинъ черепъ имѣлъ указателемъ 84, а всѣ остальные только около 83,5 (въ курганныхъ черепахъ Московской губерніи индексъ обыкновенно около 84—85). О значеніи этого обстоятельства мы еще поговоримъ далѣе.

Не меньшій интересъ представляетъ и изученіе прогнатизма курганныхъ череповъ, имѣющее значеніе для опредѣленія степени развитія лицевыхъ частей черепа, которою характеризуется большая или меньшая животность человѣческихъ типовъ. Измѣряя лицевой уголъ по Камперу, предыдущіе черепа можно распредѣлить въ слѣдующемъ порядкѣ:

Лицевой уголъ до 72,00°.

I и II Лувшинское черепа=71,6 и 70,9; I и II Подгощинскіе=70,9 и 71,2; Залучевскій I=71,4; Теребиньевскій I=72; Большо-Витонскіе I и II=70,5 и 71,5.

Лицевой уголъ до 72,5°.

Подгощинскій III=72,2; Теребиньевскій II=72,4; Рядипскій I=72,1; Рыковскій I и II=72,3 и 72,4; Залучевскіе II и III=72,2 и 72,3; Солобскій I=72,4.

Лицевой уголъ до 73°.

Локотской I=72,6; Лувшинскій III=72,9; Солобскій II=72,6; Нагаткинскій I=72,9; Горецкій II=72,9.

Лицевой уголъ до 73,5°.

Солобскій II=73,1; Лызинскіе I и II=73,3 и 73,5; Теребиньевскій III=73,4; Шиловой горы I=73,25; Горецкій I и III=73,4 и 73,5.

Лицевой уголъ до 74°.

Лызинскій III=73,7; Шиловой горы II=73,6; Лобинскій I=73,7; Залучевскій IV=74.

Лицевой уголъ до 74,5°.

Нагаткинскій II=74,2; Лобинскій II=74,4; Теребиньевскій IV=74,5.

Разсматривая эту таблицу, легко замѣтить, что лицевой Камперовскій уголъ курганныхъ череповъ, измѣняя свою величину отъ 70,5° (I Больше-Витонскій) до 74,5° (IV Теребиньевскій), имѣетъ въ среднемъ около 73,2°—величину, довольно приближающуюся къ величинѣ лицеваго угла, опредѣленной проф. Богдановымъ на черепахъ московскихъ кургановъ въ 73,8°. Сопоставляя величину Кам-

перова угла съ головнымъ указателемъ, легко также замѣтить, что долихокефалическіе черепа имѣютъ лицевой уголъ болѣе острый, а брахикефалическіе—приближающійся болѣе къ прямому. Такъ, крайней долихокефалии нашей серіи череповъ соотвѣтствуетъ одинъ изъ меньшихъ Камперовыхъ угловъ, тогда какъ черепа брахикефалическіе имѣютъ для него въ среднемъ величину болѣе 73,5. Такимъ образомъ длинноголовые черепа кургановъ Ильменскаго бассейна приближаются болѣе къ животному типу, имѣя болѣе выдавшіяся впередъ челюсти, а короткоголовые—наименѣе пропатычны.

Если принять въ расчетъ, что въ курганахъ попадаются черепа съ такими крайними головными индексами, какъ 69 и 83,5, при чемъ тѣхъ и другихъ встрѣчается почти одинаковое количество, — то естественно возникаетъ вопросъ о значеніи такого совмѣстнаго присутствія череповъ различныхъ типовъ. Разумѣется, при такомъ значительномъ количествѣ тѣхъ и другихъ, нечего и говорить о возможныхъ и невозможныхъ случайностяхъ, о патологическихъ или искусственно измѣненныхъ черепахъ, а потому является настоятельная необходимость признать, что черепа различныхъ краниометрическихъ типовъ принадлежать людямъ различныхъ расъ. Располагая въ рядъ головные индексы череповъ того и другаго типа, мы наталкиваемся прямо на доказательство такого предположенія. Постепенность перехода одного черепнаго типа въ другой, особенно замѣтная въ черепахъ, которые мы назвали среднеголовыми (*mesaticephalii*), служить въ этомъ случаѣ несомнѣннымъ доказательствомъ, въ пользу котораго говорятъ еще градаціи величинъ Камперова угла и другихъ краниометрическихъ особенностей череповъ, стоящихъ на границѣ долихокефалии съ брахикефалией. Сравнительно небольшой процентъ (8,68), приходящійся на долю среднеголовыхъ череповъ въ нашей серіи и объясняющійся способомъ добыванія послѣдней, никакъ не можетъ служить противъ нашего предположенія, тѣмъ болѣе, что и въ болѣе значительныхъ коллекціяхъ процентъ мезатокцефалии не великъ. Такимъ образомъ, мы смѣло можемъ сдѣлать общій выводъ изъ всѣхъ предыдущихъ разсужденій, что въ курганахъ Ильменскаго бассейна, какъ и въ курганахъ средней Россіи, находятся черепа длинноголовые, короткоголовые и среднеголовые, составляющіе какъ бы переходъ между первыми и вторыми. Къ объясненію значенія этого переходнаго типа мы теперь и должны обратиться. Гдѣ бы намъ ни приходилось встрѣчаться съ средними или переходными типами, вездѣ эти послѣдніе не только предполагаютъ существованіе

по крайней мѣрѣ двухъ крайнихъ типовъ, но еще свидѣтельствуютъ о переходѣ послѣднихъ одного въ другой, о ихъ взаимномъ смѣшеніи, обуславливающимъ происхожденіе данныхъ вторичныхъ переходныхъ формъ. Въ крапіометріи этотъ постулатъ примѣняется съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ біологіи вообще; тамъ изъ присутствія переходныхъ формъ заключаютъ о первичныхъ типахъ; здѣсь на основаніи мезатокефалин, сопутствующей долихокефалин и брахикефалин, необходимо нужно допустить, что первая образовалась изъ сліянія двухъ послѣднихъ. Въ курганное время, значить, жили въ Ильменскомъ бассейнѣ болѣе или менѣе одновременно два народа—длинноголовый и короткоголовый, различавшіеся между собою, какъ два вида или двѣ разновидности; отъ смѣшенія ихъ между собою сперва выродился типъ среднеголовый; потомъ короткоголовость взяла перевѣсъ, такъ какъ настоящій обитатель этихъ мѣстностей и потомокъ курганнаго племени—брахикефалъ съ индексомъ большимъ 83. Десять череповъ, измѣренныхъ нами, показали, что обитатели г. Старой Русы нѣсколько вѣковъ уже имѣютъ для головного индекса 83,6; 83,8 и 84 ¹⁾; пять современныхъ череповъ изъ новгородскихъ кладбищъ дали отношенія индексовъ для 83,8; 84 и 84,2 ко 100. Приблизительно тѣ же самыя отношенія даютъ измѣренія, произведенныя не разъ на головахъ живыхъ людей въ разныхъ частяхъ Ильменскаго бассейна. Съ другой стороны мы видимъ также, что и курганные черепа даютъ индексы въ 83,4, 83,5 и 83,6, не смотря на то, что рядомъ съ ними находится и длинноголовые черепа съ индексомъ около 70. Уже одно это наводитъ на мысль, что брахикефалы кургановъ—настоящіе предки нынѣшнихъ обитателей рассматриваемой нами области. Предположеніе наше подтвердится вполне, если мы изучимъ, напримѣръ, рядомъ съ современнымъ черепомъ изъ какого-нибудь кладбища короткоголовый курганный черепъ съ индексомъ въ 83,5. Сходство того и другаго будетъ поразительно не только въ общемъ, но и въ деталяхъ. Различныя указатели (лицевой, глазничный и др.), длина темяной дуги и затылочной, ширина лба и лица, скуловое разстояніе, величина основанія черепа и другія крапіометрическія данныя будутъ до того сходны въ обоихъ изслѣдуемыхъ черепахъ, что ихъ вполне можно поставитъ рядомъ, какъ два

¹⁾ Черепа эти были добыты при раскопѣ Успенскаго кладбища; процентное содержаніе въ нихъ органическаго вещества показывало, что они лежали въ землѣ болѣе столѣтія.

одинаковые экземпляра. Не то должны мы будемъ сказать про черепа среднеголовые и тѣмъ болѣе долихоцефалическіе. Уже на первый взглядъ они сильно отличаются отъ брахикефалическихъ череповъ, какъ современныхъ, такъ и курганныхъ; изученіе же ихъ въ краниометрическомъ отношеніи покажетъ еще большую разницу, разбирать которую было бы излишне въ нашемъ очеркѣ. Такимъ образомъ, въ курганное время мы имѣемъ въ бассейнѣ Ильменя два совершенно отличные другъ отъ друга народа: одинъ — по своимъ анатомическимъ признакамъ близко подходящій къ современнымъ обитателямъ этой мѣстности, и другой — сродный курганному человѣку всей Европы.

А. Елнѣевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ОСУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

1881.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Вопросъ о народности Руссовъ, Волгарь и
Гунновъ Д. ИЛОВАЙСКАГО.

Историко-географическія извѣстія Гербер-
штейна о Восточной Европѣ Е. ЗАМЫСЛОВСКАГО.

Съ археологін и антропологін Ильменска-
го бассейна, (Продолженіе) А. ЕЛИСЕВА.

Срѣтвѣя и библиографія:

Труды филологическаго отдѣленія Краковской акаде-
міи наукъ съ 1874 по 1880 годъ В. МАКУШЕВА.

Miserepe Morosi. Intorno al motivo dell' abdicatione
dell' imperatore Diocleziano (О поводѣ къ отрече-
ченію императора Діоклетіана отъ престола) . В. К.

Среднія учебныя заведенія Франціи С. ИВАНОВА.

Императорское Русское Археологическое
Общество въ 1880 году.

Пятидесятилѣтіе Румянцевскаго музея.

Десятилѣтіе Николаевской Царскосельской
гимназіи и свѣдѣнія о состояніи ея въ
1878—1880 учебномъ году.

Отдѣлъ классической филологін.

(См. на 3-й стр. обертки).

КЪ АРХЕОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ ИЛЬМЕНСКАГО БАССЕЙНА ¹⁾.

VII.

Установивъ по даннымъ краниологическимъ фактъ существованія въ глубокой древности двухъ народовъ въ Ильменскомъ бассейнѣ, мы тотчасъ же наталкиваемся на самый трудный вопросъ—объ опредѣленіи національности этихъ народовъ. Для рѣшенія этого вопроса мы должны сказать нѣсколько словъ о курганномъ челоѣкѣ Европы вообще и о его позднѣйшей метисаціи съ пришлыми племенами.

Еще съ легкой руки знаменитаго Ретціуса въ наукѣ сложилось мнѣніе, что аборигены Европы, къ которымъ Ретціусъ причислялъ и Финновъ, и Басковъ, короткоголовки тогда какъ всѣ пришлыя племена имѣютъ длинноголовый типъ. Введеніе въ краниометрію головнаго указателя опровергло ученіе Ретціуса, а изслѣдованіе могилъ каменнаго вѣка въ различныхъ странахъ Европы доказало противное. Катрфажъ и Гами въ своихъ знаменитыхъ „*Stania ethnica*“ доказали, что даже въ постпліоценовую эпоху или вѣкъ мамонта, съ которыхъ начинается челоѣческая палеонтологія, первобытные обитатели западной Европы (расы Банштатская и Кроманьонская) были длинноголовы. Другіе западно-европейскіе типы палеолитической эпохи были также вполне долихоцефалами. Первый черепъ короткоголовой расы былъ найденъ въ наносахъ среднихъ уровней надъ остатками длинноголоваго челоѣка, также какъ и типы мезаточефалии и суббрахикефалии (такъ-на-

¹⁾ *Окончаніе.* См. апрѣльскую книжку *Жур. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

ываемая Фюрфосская раса). Съ той поры раскопки древнихъ могилъ въ Швеціи — Ретціусомъ-сыномъ, въ Англіи — Тергемомъ, въ Даніи и Германіи — Вирховымъ, въ Россіи проф. А. Богдановымъ доказали вполне, что первобытные обитатели Европы были длинноголовые, а короткоголовые только пришлыя племена. Одновременно съ этими открытіями былъ установленъ и фактъ метисаціи длинноголоваго человѣка съ брахикефаломъ.

Относительно времени проникновенія короткоголовыхъ людей въ Европу нельзя сказать ничего вполне опредѣленнаго. „Полагають“, говоритъ Топинаръ, — „что какія-нибудь мелкія короткоголовыя племена могли являться мѣстами, еще начиная съ палеолитической эпохи, но что большими массами они появились только въ болѣе позднія времена. Въ концѣ періода тесаннаго камня въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было уже одновременно двѣ расы: одна — длинноголовая съ слѣдами расы „мертвого человѣка“, другая же — подкороткоголовая, приближающаяся къ Фюрфосской расѣ“. Въ Англіи нашествіе брахикефаловъ можетъ быть отнесено къ концу періода полированного камня, въ Даніи, Швеціи и Россіи короткоголовые черепа также встрѣчаются рядомъ съ орудіями каменнаго вѣка и долихокефалическими черепами.

Познакомившись съ общими выводами, мы теперь можемъ перейти къ курганному человѣку Россіи и преимущественно Ильменскаго бассейна. Относительно длинноголовости аборигеновъ восточной части Европы также нельзя сомнѣваться. Всѣми паличными раскопками было констатировано, что они были долихокефалами. Доказано также, что короткоголовые люди жили нѣкоторое время вмѣстѣ съ длинноголовыми и съ теченіемъ времени вытѣснили этихъ послѣднихъ. На курганныхъ черепахъ проф. Богданова можно хорошо прослѣдить это послѣдовательное вытѣсненіе. Въ однихъ курганахъ преобладающимъ является долихокефаль, въ другихъ — брахикефаль, въ третьихъ — черепа только одного типа, въ четвертыхъ — на половину тѣхъ и другихъ. Мы указывали на подобныя явленія и въ сопкахъ Ильменскаго бассейна. Значеніе этого обстоятельства выяснить не трудно. Изъ нѣкоторыхъ данныхъ можно заключить также, что короткоголовые люди и въ бассейнѣ Ильмена появились гораздо позднѣе, чѣмъ долихокефалы. Мы уже указывали, что вообще длинноголовые черепа лежатъ глубже, чѣмъ короткоголовые, что не всегда можно объяснить вто-

1) Топинаръ. Антропология. Переводъ И. Мечникова.

ричнымъ погребеніемъ. Въ двухъ подмѣченныхъ нами случаяхъ это расположеніе было даже очень рельефно. При постановкѣ сигнальнаго столба въ Городищѣ (на Волховѣ) были вырыты два полуразрушенные черепа; неимѣніе толстотнаго циркуля и измѣрительной тесьмы не дозволило намъ опредѣлить индексъ этихъ череповъ, но на видъ одинъ изъ нихъ былъ вполне брахикефалъ, другой же принадлежалъ къ ясно выраженному длинноголовому типу. Первый былъ вырытъ на глубинѣ 3 аршинъ, тогда какъ второй былъ найденъ на обвалѣ на глубинѣ 2 сажень. При попокахъ въ самыхъ глубокихъ слояхъ новаго Сяьскаго канала, гдѣ много интереснаго добытъ проф. Иностранцевъ, на нашихъ глазахъ рабочіе выкинули три черепа съ крайними индексами въ 72, 76, и 80. изъ различныхъ глубинъ, при чемъ послѣдній индексъ относился къ черепу, лежавшему наиболѣе поверхностно. Мы не сомнѣваемся, что дальнѣйшія раскопки вполне докажутъ то, что теперь надо принять за доказанное и для сѣверной Россіи, то-есть, фактъ позднѣйшаго появленія короткоголовыхъ среди долихокефалическаго населенія. Во всякомъ случаѣ нахождение брахикефалическихъ череповъ рядомъ съ каменными орудіями въ курганахъ средней Россіи показываетъ, что и въ восточной Европѣ первое появленіе короткоголоваго челоуѣка надо отнести ко временамъ доисторическимъ, къ эпохѣ каменнаго вѣка, и только въ видѣ крайняго исключенія — къ бронзовому вѣку и переходной эпохѣ отъ каменнаго вѣка къ металлическому.

Обращаясь теперь къ вопросу о національности курганныхъ племенъ Ильменскаго бассейна, мы должны главнымъ образомъ опредѣлить отношеніе и связь между ними и современными обитателями этихъ мѣстностей. Мы показали уже выше, что по всѣмъ краниометрическимъ даннымъ курганные короткоголовые черепа до того приближаются къ современнымъ черепамъ Новгородцевъ, что признать послѣднихъ за прямыхъ потомковъ брахикефаловъ курганнаго періода будетъ вполне логично. Чѣмъ ближе короткоголовые черепа приближаются къ мезатикефалимъ, тѣмъ болѣе разнятся ихъ другіе краниометрическіе признаки, и тѣмъ труднѣе становится опредѣленіе ихъ взаимнаго отношенія. Длинноголовый народъ новгородскихъ кургановъ положительно нельзя приравнять ни къ какимъ нынѣшнимъ обитателямъ Ильменскаго бассейна; остается его приравнять къ другимъ обитателямъ сѣвера Россіи, между которыми сохраняется еще длинноголовый типъ. На это приравниваніе мы имѣемъ свои основанія, тѣмъ болѣе, что интересныя раскопки въ области Ладожскаго и

Онежскаго бассейна бросилъ лучъ свѣта на первобытныхъ обитателей этой страны.

Весь сѣверъ Россіи издревле занимали народы финско-угорской семьи, распространявшіеся также и въ Скандинавію, поставленные разрозненностью и массою жизненныхъ условій въ такое положеніе, что они поневолѣ должны были сливаться съ племенами господствующими, теряя свою оригинальность и типичность даже въ физическомъ строеніи. Эти народы наравнѣ съ Басками Ретціусъ считалъ аборигенами Европы, основываясь на ихъ короткоголовости. Недавнія изслѣдованія показали однако, что послѣднее было ошибка, и что Финны, какъ и всѣ народы угорской семьи,—длинноголовы. Раскопки кургановъ въ Московской, Владимірской, Тверской и Ярославской губерніяхъ и въ Устюженскомъ уѣздѣ Новгородской ¹⁾ доказали сперва, что праотцы Финновъ то-есть, Угры, были длинноголовы; позднѣе этотъ выводъ былъ приложенъ и къ настоящимъ Финнамъ. Оказалось, что не всѣ отрасли Финскаго племени принадлежатъ по формѣ черепа къ одному типу. Такъ Вогулы, по изслѣдованіямъ г. Милшова,—настоящіе долихокефалы, Черемисы—ортокефалы, а Финляндскіе Финны принадлежатъ къ брахицефаламъ, хотя всѣ они считаются отраслями одной и той же финско-угорской семьи съ длинноголовымъ черепомъ. Расовыхъ череповъ Влуменбаха и первичныхъ (Uhrformen) Вебера такимъ образомъ совершенно не оказывается нынѣ во всѣхъ потомкахъ народовъ Угорскихъ, хотя это не доказываетъ, что ихъ не было и въ началѣ. Раскопки гг. Варсова и Бранденбурга въ Онежскомъ бассейнѣ, главнымъ обиталищѣ Угровъ, установили типъ угорскаго черепа, индексъ котораго по Европеусу измѣняется отъ 68 до 73,5. Этотъ основной типъ, сохраняющійся до сихъ поръ, напримѣръ, у Вогуловъ (индексъ 74,1) подвергся сильной метаморфозѣ и подъ вліяніемъ разныхъ условій выродился совершенно. Основываясь на этомъ обстоятельствѣ, которое подтвердилось не разъ раскопками, г. Европеусъ полагаетъ, что и настоящіе короткоголовые Финны въ курганное время были долихокефалами, а брахицефалія явилась у нихъ только позднѣе вслѣдствіе смѣшенія ихъ съ туранскими народностями короткоголоваго типа. Положеніе это довольно вѣроятно и имѣетъ огромное значеніе, такъ какъ, признавъ его, мы можемъ объяснить себѣ принадлежность различныхъ финскихъ череповъ къ различнымъ типамъ только неодинаковою степенью уклоненія отъ

¹⁾ *Европеусъ*. Пѣсколько соображеній о древнихъ обитателяхъ Европы. часть ссхv, отд. 2.

основной формы (Uhrformen), обусловленной неравномерностью давленія измѣнявшихся причинъ. Разсматривая съ этой зрѣнія черепа Финскихъ народовъ, мы дѣйствительно должны согласиться съ выводами г. Европеуса.

Чѣмъ древнѣе черепа, находимые въ области, занимаемой издревле племенами финско-угорскаго происхожденія, тѣмъ яснѣе выступаетъ долихоцефалія; чѣмъ ближе они приближаются къ нашему времени, тѣмъ больше получаетъ перевѣсъ брахикефалія. Черепа, находимые въ верхнихъ поверхностныхъ слояхъ, уже близки къ подкороткоголовому и короткоголовому типу, а черепа настоящихъ обитателей этихъ мѣстностей—уже вполне брахикефалы. Карелы имѣютъ головнымъ указателемъ отношеніе 83 къ 100, Саволаксы и юго-западные Тавасты, около 84, индексъ, приближающійся къ русскому (то же около 84). Вырожденіе основной формы въ этихъ мѣстностяхъ, значитъ, совершенно дошло до конца, измѣнивъ ее въ типъ противоположный; но подобное совершенное вырожденіе не вездѣ наблюдается одинаково. Вепсы еще имѣютъ пока указателемъ 81, 37; а Эсты съ индексомъ въ 74,8 и Вогулы — въ 74,1 сохраняютъ доселѣ еще свой длинноголовый типъ. Доискиваясь причинъ этого явленія въ историческихъ судьбахъ различныхъ финскихъ народцевъ, мы скоро наталкиваемся и на объясненіе. Всѣ Финны, которые, какъ учитъ исторія, подвергались наибольшему вліянію арійскихъ народностей, измѣнили не только свой языкъ и строй общественной жизни, и культуру, но и свой краниометрическій типъ, одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ, отличающихъ человѣческія расы. Нынѣшніе обитатели Финляндіи, которые, какъ доказалъ г. Европеусъ ¹⁾,—не будучи аборигенами нынѣшней Суоміи, только смѣнили ея первобытныхъ обитателей — Угровъ, еще до пришествія своего въ бассейны Саймы и Пейене подверглись сильному вліянію народовъ арійскихъ. Извѣстные финнологи Томсенъ, Алквистъ и Европеусъ ²⁾ показали, что въ языкѣ и нарѣчіяхъ Финновъ сохраняется множество словъ славянскаго и литовскаго происхожденія, что доказываетъ громадное вліяніе на культуру Финновъ этихъ двухъ единственныхъ арійскихъ

¹⁾ *Д. Европеусъ*. Объ Угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, Финляндіи и Скандинавіи. Его же. Нѣсколько соображеній о древнихъ обитателяхъ Европы.

²⁾ *Томсенъ*, О вліяніи германскихъ языковъ на финско-лоуцкіе; *Алквистъ*, Die Culturwörter der Westfinnischen Sprachen.

народовъ сѣверо-восточной Европы. Соответственно этому послѣднему вліянію, и головной указатель Финляндскихъ Финновъ приблизился къ индексу 84—Русскихъ. Карелы, Емь, Суоми, Саволаксы и Тавасты, послѣдовательно подвергавшіеся вліянію Литовцевъ, Славянъ и Шведовъ, сдѣлались такими же брахикефалами, какъ и эти послѣдніе, тогда какъ Эсты, по видимому, находившіеся въ такихъ же условіяхъ, до сихъ поръ длинноголовы съ среднимъ индексомъ въ 74,8. Причину этому надо искать отчасти въ особенной крѣпости этого финскаго племени, а отчасти въ географическихъ и историческихъ условіяхъ, благопріятствовавшихъ сохраненію среди Эстовъ и другихъ оригинальныхъ особенностей. Эсты сохранили оригинальныя черты, потому что вовсе не обрусѣли; Карелы восточные утратили частью даже свой языкъ и вообще сильно обрусѣли. Чудь лѣтописей—собрательное имя всѣхъ Финнскихъ племенъ на сѣверѣ Россіи сливалась со славянами еще до сложенія Русскаго государства. Въ центрѣ Ильменскаго бассейна въ Новгородѣ она не только соприкасалась близко съ жизнью Славянъ Ильменскихъ, но и жила ея. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было сплошное древне-финское населеніе, и куда пропикла въ древнѣйшую эпоху славянская колонизація, „услѣхи славяно-русской народности были полны, и тѣ области, которыя въ первые вѣка по образованіи Русскаго государства были почти совершенно финскими — губерніи Московская, Тверская, Ярославская, Владимирская, Костромская, являются теперь средоточіемъ народности великорусской“ ¹⁾. Обрусѣніе финскихъ племенъ здѣсь дошло до того, что еслибъ изслѣдованія лингвистическія и археологическія не показали слѣдовъ финской народности, то въ настоящихъ обитателяхъ этихъ мѣстностей нельзя было бы и узнать выродившихся потомковъ древнихъ длинноголовыхъ Финновъ. Какъ на рѣзкій примѣръ измѣненія формы черепа подъ вліяніемъ метисаціи съ другою народностью мы укажемъ на черепъ Вепсовъ Финновъ, живущихъ на границахъ Олонецкой губерніи съ Тихвинскимъ уѣздомъ губерніи Новгородской. Головной указатель ихъ черепа, какъ показалъ г. Майновъ,—равенъ 81,37, не смотря на то, что языкъ ихъ, по словамъ г. Европеуса, „во всѣхъ отношеніяхъ самый архаическій, тогда какъ остальные діалекты финско-эстскіе, по

¹⁾ Л. Н. Майковъ. О древней культурѣ западныхъ Финновъ по даннымъ ихъ языка.

отношенію къ вепскому, болѣе или менѣе позднѣйшаго образованія^а. О Вогулахъ и Остякахъ, которыхъ черепа еще знаменитый К. М. Беръ признавалъ за „весьма ясно длинноголовые“, мы говорить не будемъ, такъ какъ долихоцефалии ихъ соотвѣтствуетъ вполнѣ и ихъ малому обрусѣнію и сохраненію не только архаической формы языка, но и этническихъ особенностей Угорскаго племени.

Рядомъ предыдущихъ разсужденій мы пришли къ тому заключенію, что теперь гораздо легче установить связь и отношеніе между различными формами череповъ курганныхъ (изъ кургановъ Ильменскаго бассейна и сѣверо-восточной Россіи вообще) и современныхъ народовъ славянскаго и финскаго происхожденія. Черепа длинноголовые, встрѣчающіеся въ значительномъ количествѣ и въ курганахъ Ильменскаго бассейна, надо поставить, съ одной стороны, рядомъ съ длинноголовыми черепами курганнаго населенія центральной и сѣверо-восточной Россіи, а съ другой—съ черепами финско-угорскихъ народовъ, сохраняющими доселѣ долихоцефалию, какъ напримѣръ, Эстовъ, Вогуловъ, Зырянъ и т. п. Въ виду общности многихъ краіометрическихъ признаковъ всѣ три категоріи череповъ можно признать за родственныя и приписать народу великой угорской семьи, населявшей сѣверъ, а быть можетъ, и средину Европы—какъ это по крайней мѣрѣ пытается доказать г. Европеусъ, основываясь на изученіи языковъ этой группы.

Мы показали уже нѣсколько выше, что брахикефалическіе черепа сопокъ Ильменскаго бассейна составляютъ почти тождественный рядъ съ черепами нѣмѣншихъ обитателей этой области, тогда какъ подкороткоголовые и мезатикефалическіе уклоняются отъ современныхъ череповъ не только по головному указателю, но даже по прогнатизму и другимъ краіометрическимъ признакамъ. Въ этихъ-то и тому подобныхъ черепахъ мы имѣемъ полное право признавать тотъ переходный типъ, который обусловился метисаціею долихоцефаловъ-аборигеновъ съ короткоголовыми пришельцами. Кто же могли быть эти пришельцы? Короткоголовыми были, и Славяне и Литовцы, какъ всѣ народы арійскаго происхожденія, короткоголовыми считаютъ и большинство Монгольскихъ народовъ; пришельцами могли быть, пожалуй, сдѣлавшіяся короткоголовыми вслѣдствіе метисаціи и нѣкоторыя финскія племена. Для рѣшенія нашего вопроса мы должны нѣсколько разобратся, какъ въ имѣющемся у насъ подъ рукою антропологическомъ матеріалѣ, такъ и въ лингвистическихъ данныхъ. Прежде всего отвѣтимъ на вопросъ: могли ли быть короткоголовыми пришельцами,

заставившими выродиться долхокефаловъ-туземцевъ, какіе-нибудь народы монгольскаго происхожденія?

Правда, на основаніи головнаго указателя и прогнатизма курган-ныхъ брахикефалическихъ череповъ трудно провести границу между ними и короткоголовыми черепами Монгольскихъ народовъ, но за то другіе краніометрическіе признаки вполне исключаютъ возможность такого смѣшенія. Сплюсненіе и расширеніе межглазничнаго промежутка, средняя ширина носоваго отверстія, сглаженія нижняго края передняго носоваго отверстія, развивающагося въ видѣ двухъ губъ, и другіе признаки, которыми описываютъ Причардъ и Топинаръ (въ своей Антропологии) монгольскій типъ, совершенно отсутствуютъ на короткоголовыхъ черепахъ сопокъ Ильменскаго бассейна. Еще важнѣе другой признакъ, который, какъ доказалъ Брока, есть одинъ изъ лучшихъ признаковъ для распознаванія человѣческихъ расъ. Мы говоримъ о носовомъ указателѣ, то-есть, объ отношеніи наибольшей ширины передняго носоваго отверстія къ его наибольшей длинѣ. Средняя изъ 8 нашихъ череповъ дала для него величину около 50,50, тогда какъ у Монголовъ, по таблицамъ Брока, онъ равняется 48,68. Что не Монголы приходили въ общеніе съ длинноголовыми Финнами Балтійскаго бассейна можно доказать и другимъ способомъ. Ни въ языкѣ, ни въ обычаяхъ послѣднихъ не сохранилось ни одного слова, ни одной черты монгольскаго происхожденія; на всемъ пространствѣ отъ Волхова до Бѣлаго моря и Двины едва ли найдется хотя одно мѣстное названіе, которое имѣло бы свой корень въ одномъ изъ монгольскихъ языковъ. Лингвистическія данныя предлагаютъ въ этомъ случаѣ могучее орудіе противъ предположенія о смѣшеніи народовъ финско-угорскихъ съ Монголами, и этотъ доводъ подтверждается еще антропологическими выводами. Противъ того же предположенія говорятъ и всѣ другія условія—географическія и этнографическія. Народы монгольскаго типа—въ огромномъ большинствѣ кочевники, степняки, невидящіе болотистыя и лѣсныя пространства, въ которыхъ они не могутъ жить своею вольною жизнью. Такой народъ естественно можетъ распространяться широко и неудержимо только по ровнымъ, степнымъ и безлѣснымъ пространствамъ; горы и лѣса для него непроходимы. Благодаря этому только и спаслась сѣверная Россія и Новгородская область отъ страшнаго нашествія Монголовъ въ XIII вѣкѣ. Имѣя въ виду это нерасположеніе кочевныхъ народовъ къ болотамъ и лѣсамъ, можно было бы уже аргюи предположить, что ни одинъ кочевой монгольскій народъ не могъ

пробратся такъ глубоко въ сѣверо-восточную Европу, защищенную лѣсами, мшарами и топами, чтобы прійти въ соприкосновеніе съ финскими народностями, обитавшими на берегахъ Ильмени, Ладожскаго и Онежскаго озера, въ мѣстахъ почти недоступныхъ для лихого кочевника и степняка.

Не Монголы, значитъ, были пришельцами, обусловившими превращеніе длинноголовыхъ туземцевъ въ брахикефаловъ. Ими не могли быть и другіе Финны, сдѣлавшіеся короткоголовыми прежде, чѣмъ пришли въ соприкосновеніе съ своими угорскими длинноголовыми сородичами. Собственно говоря, намъ не нужно было бы и разбирать подобное предположеніе, такъ какъ, допуская метаморфозировавшихся Финновъ вліять на своихъ не подвергшихся еще чуждому вліанію сородичей, мы тѣмъ самымъ только варьируемъ предложенный вопросъ. Если длинноголовый народъ превратился въ брахикефаловъ вслѣдствіе метисаціи ¹⁾, то необходимо нужно отыскать и обусловившій эту послѣднюю короткоголовый народъ. Принимаясь отыскивать этотъ послѣдній, мы прежде всего снова должны исключить народъ монгольскаго происхожденія, и въ концѣ концовъ, прійти къ тому заключенію, что единственными короткоголовыми народами, имѣвшими возможность соприкасаться съ Финнами, были народы индоевропейской арійской семьи, или же Лопари, самый короткоголовый народъ земного шара. Разумѣется, не Лопари обусловили превращеніе длинноголовыхъ Финновъ и Угровъ въ брахикефалы на всемъ огромномъ пространствѣ средней Россіи, уже по тому одному, что ихъ этнографическія особенности ограничиваютъ ихъ кругъ распространенія. Сѣверный олень наполняетъ все ихъ существованіе и заставляеть ихъ оставаться въ извѣстныхъ предѣлахъ. Правда, иѣкогда Лопари доходили своими сельбищами до сѣвернаго берега Финскаго залива и восточнаго побережья Ладожскаго озера, но ихъ вытѣснили къ дальнему сѣверу подвигавшіяся отъ юга финскія племена, тѣснимыя въ свою очередь съ юга Славянами. Борьба Финновъ съ Лопарями составляетъ главный предметъ Калевалы и имѣетъ для Финскаго народа такое же значеніе, какъ для Грековъ воспѣтая въ

¹⁾ Г. Еаропеусъ придаетъ еще въ этомъ процессѣ большое значеніе вліанію сѣвернаго климата, но, по нашему мнѣнію, его нужно свести къ минимуму, если не къ нулю, такъ какъ, на сколько намъ извѣстно, въ краниологіи до сихъ поръ не замѣчалось вырожденія одной черепной формы въ другую подъ вліаніемъ однихъ климатическихъ условій.

Илиадъ борьба ихъ съ Троянцами; но не смотря на это, она едва ли могла послужить метисаціи этихъ двухъ народовъ, такъ какъ Финны столкнулись съ Лопарями едва ли не позже, чѣмъ съ Славянами. Во всякомъ случаѣ антропологическіе признаки брахикефалическихъ череповъ Ильменскаго бассейна не имѣютъ никакого сходства съ черепами Лопарей. „Они болѣе плосконосы“, говорятъ Топинаръ, — „и менѣе прогнатичны, чѣмъ Финны. Наружные признаки вообще удаляютъ ихъ отъ Финновъ и наоборотъ — приближаютъ къ самоѣдскимъ расамъ; впрочемъ ихъ глазной указатель (87,5) значительно отличается отъ желтокожихъ расъ“. По этимъ признакамъ даже на взглядъ можно отличить лопарскіе черепа не только отъ русскихъ, но даже отъ финскихъ.

Исключивъ и Лопарей изъ числа народовъ, имѣвшихъ возможность повліять на превращеніе древне-финско-угорскаго черепа въ новый типъ, мы должны необходимо остановиться на вліяніи арійскихъ народовъ. Прежде всего поэтому мы постараемся изъ географическаго распредѣленія народовъ финско-угорской семьи вывести — какіе изъ племенъ индо-европейскихъ могли соприкасаться съ послѣдними? Г. Европеусъ¹⁾, на основаніи многосторонняго изученія предковъ сѣверныхъ народовъ, говоритъ, что „родина Угры, какъ показываютъ названія древне-угорскаго происхожденія, простиралась отъ рѣки Оки на сѣверъ до самаго Ледовитаго моря и отъ сѣверной части Уральскихъ горъ до Финляндіи и даже до сѣверной части Скандинавіи, а въ Россіи — до окрестностей озера Ильменя и до источниковъ рѣки Волги за исключеніемъ „родины Финновъ“, то-есть, области около Онежскаго озера и южной части Ладожскаго, гдѣ нельзя отыскать ни одного названія съ угорскимъ окончаніемъ“. На всемъ этомъ огромномъ пространствѣ народы Угорскіе, на сколько намъ показы-

¹⁾ Въ виду того, что въ настоящемъ очеркѣ постоянно встрѣчаются Финны то въ отношеніи къ Уграмъ, то отдѣльно отъ нихъ, мы считаемъ не лишнимъ привести слова г. Европеуса, о классификаціи народовъ финско-угорской семьи. «Уральское (сѣверно-европейское) племя», говоритъ онъ, — «распадается на двѣ вѣтви, раздѣлившіяся еще въ доисторическія времена подобно Иранскому и Арійскому: 1) Угорская (Остяки, Вогуличи, Мадьяры, Вось) и 2) Чудская или Финская (Финны, Лопари, Мордва, Черемисы, Зыряне, Вотяки)». Соглашаясь въ общемъ съ г. Европеусомъ, мы должны присовокупить, что Лопари, прежде при численіи ихъ имѣли съ Фемимосами къ Гиперборейской расѣ, должны составлять особый антропологическій типъ съ головнымъ указаніемъ въ 85, ближе приближающійся къ самоѣдскому типу, чѣмъ къ Финнамъ.

вають всѣ данныя — археологическія, антропологическія и историческія, могли соприкасаться только съ тремя племенами аріѣской расы — Германцами, Литовцами и Славянами.

Вліяніе Германцевъ на народы Угорскіе было довольно ограниченное; соприкосновеніе этихъ племенъ между собою происходило на довольно ограниченномъ пространствѣ — въ сѣверной Скандинавіи, въ предѣлахъ средней Россіи, когда здѣсь жили Готы, и наконецъ, въ Финляндіи, хотя мы очень сомнѣваемся, чтобы Шведы проникали въ Суомію ранѣе Славянъ Ильменскихъ.

болѣе ограниченномъ пространствѣ соприкасались съ Угорскими, или, вѣрнѣе сказать, съ Финскими народами также и Литовцы. Границы разселенія Литовцевъ къ сѣверу и сѣверо-востоку на столько хорошо изучены на основаніи изслѣдованія мѣстныхъ названій, что искать точекъ соприкосновенія ихъ съ Уграми или Финнами, въ языкѣ которыхъ, какъ показали новѣйшія изслѣдованія, встрѣчается много литовскихъ корней, сѣвернѣе Западной Двины и восточнѣе верховьевъ Днѣпра — едва ли возможно.

И такъ, главнѣйшимъ народомъ, соприкасавшимся съ Уграми и Финнами на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ верстъ, по исключеніи всѣхъ остальныхъ, остаются Славяне. Короткоголовость всѣхъ Славянскихъ племенъ была признана уже со времени Ретціуса; среднимъ головнымъ индексомъ ихъ будетъ приблизительно отношеніе 83,5 : 100. Славяне были также короткоголовы, по всей вѣроятности, со времени перваго появленія своего въ Европѣ; черепъ ихъ не могъ принять другую форму, такъ какъ доказано, что метисація ихъ съ долихоцефалами дѣйствовала только на послѣднихъ и видоизмѣняла ихъ основной типъ. Причину этого односторонняго вліянія надо искать въ свѣжести и большей жизнеспособности Славянскаго племени. Народъ, стоящій болѣе низко по степени духовнаго и физическаго развитія, обыкновенно вырождается при столкновеніи съ народами, болѣе его способными къ борьбѣ за существованіе, пока въ свою очередь не выработаетъ себѣ или не усвоитъ путемъ подбора тѣ свойства, которыя даютъ перевѣсъ. Но изъ географическаго распредѣленія животныхъ и растений мы видимъ, что рѣдко тотъ или другой видъ, поставленный въ необходимость бороться за существованіе даже съ видомъ болѣе или менѣе близкимъ, усваиваетъ превосходныя свойства послѣдняго, — обыкновенно онъ вымираетъ, не имѣя времени для приспособленія, или продолжаетъ существовать только какъ подвидъ, средній между тѣмъ и другимъ. Всѣ эти соображенія, основанныя на

общихъ біологическихъ явленіяхъ, вполне примѣняются и къ соприкосновенію народовъ финско-угорской семьи со Славянскими племенами. Изъ превосходства послѣднихъ надъ первыми вытекаетъ, что народы, менѣе богатые жизненною силою, воспитанные суровою ма-чихой-природой, отказывавшею имъ даже въ постоянно достаточной пищѣ и не унаслѣдовавшіе отъ прародителей никакихъ культурныхъ преимуществъ, склонились передъ племенемъ земледѣльческимъ, никогда не нуждавшимся въ средствахъ питанія и стоявшимъ выше ихъ по своему культурному развитію. Разсмотрѣніе характера и вторичныхъ причинъ этой метисаціи завело бы насъ слишкомъ далеко, и потому, оставивъ этотъ вопросъ въ сторонѣ, мы сдѣлаемъ лишь краткій выводъ изъ предыдущихъ разсужденій. Изъ данныхъ, разсмотрѣнныхъ нами, вытекаютъ, главнымъ образомъ, слѣдующія заключенія:

а) Въ сѣверной и средней Россіи вообще и въ бассейнѣ Ильмена въ частности обитали во времена курганныхъ два народа—длинноголовый и короткоголовый, при чемъ послѣдній, судя по нѣкоторымъ даннымъ, появился гораздо позднѣе.

б) Во всякомъ случаѣ, короткоголый народъ явился еще въ концѣ каменнаго вѣка и въ началѣ бронзоваго.

в) Между обоими этими народами произошла метисація, которая окончилась почти повсемѣстнымъ превращеніемъ долихоцефалии въ брахикефалию.

г) Длинноголовымъ народомъ были Финны или Угры (смотря по мѣстности), а короткоголовымъ, по всей вѣроятности—Славяне и только отчасти Литовцы.

Мы не будемъ утверждать, что положенія эти абсолютно вѣрны и прочно доказаны; мы просто строимъ гипотезу, не лишнюю однако многихъ оснований, и эта гипотеза объясняетъ всю этнографическую путаницу, существующую въ возрѣніяхъ на взаимное родство Финскихъ народовъ съ Славянскими и Угорскими. Гипотеза эта имѣетъ и другое значеніе вполне историческое, о которомъ мы скажемъ нѣсколько словъ вперед. Мы не срываемъ также, что въ гипотезѣ этой есть слабыя стороны, и даже не мало ихъ: достаточно указать на одну ограниченность нашего матеріала; тѣмъ не менѣе позволяемъ себѣ думать, что гипотеза наша не составитъ лишняго балласта при изученіи народовъ, обитающихъ въ сѣверной Россіи, уже по тому одному, что она основана не на умозрѣніяхъ, а на фактахъ. Быть можетъ, дальнѣйшія изслѣдованія подтвердятъ ее всю или хотя бы

часть ея; быть можетъ, они и подорвутъ ее, но подорвутъ все-таки не въ основаніи.

Распространившись довольно подробно о значеніи курганныхъ череповъ Ильменскаго бассейна въ связи съ черепами другихъ изученныхъ мѣстностей, мы вернемся теперь снова къ частной его археологіи. Мы познакомились уже достаточно съ географіей и антропологіей Ильменскаго бассейна и потому теперь съ помощью всѣхъ этихъ данныхъ приступимъ къ изученію вопроса о славянской колонизаціи въ этой мѣстности, представляющей интересъ уже чисто историческій. Въ предыдущемъ изложеніи мы, собственно говоря, уже намѣтили путь и значеніе этой колонизаціи, такъ что теперь намъ остается только парисовать картину ея движенія.

VIII.

Со времянь глубочайшей древности, быть можетъ, современно Капштатской и Кромавонской расамъ нестиплюценовой эпохи, на берегахъ Ильменя, Ладожскаго и Онежскаго озеръ жила длинноголовая раса людей, скудная развитіемъ духовнымъ, небогатая жизнеспособностью. Она умѣла добывать огонь, строить жилища и употреблять каменное оружіе, такъ какъ человѣкъ научился этому еще съ эпохи верхняго міоцена. Въ концѣ ли каменнаго вѣка, или въ самомъ началѣ бронзоваго, но во всякомъ случаѣ во времена доисторическіа, среди этихъ аборигеновъ явился короткоголовый человѣкъ. Вирховъ ¹⁾ допускаетъ даже, что Аріицы проникли въ среду троглодитовъ или пещерныхъ жителей Европы, когда тамъ водились сѣверный олень, пещерный медвѣдь и мамонтъ. Проф. Богдановъ среди древнѣйшихъ длинноголовыхъ череповъ встрѣчалъ небольшое количество и брахицефалическихъ, такъ что необходимо допускаетъ, что коренная мѣстная курганная народность (отъ Ярославской и Калужской до Минской губерніи) была длинноголовою, рѣзко охарактеризованною и типическою; она сплошь была раскинута по всей средней полосѣ Россіи. Къ ней примѣшивалось, только въ меньшей степени, племя короткоголовое, селившееся между длинноголовыми отдѣльными выселками. Въ Англіи, Франціи и Германіи уже доказано, что брахицефалическая раса существовала въ концѣ періода тесаннаго и полированнаго камня. Мы высказали выше предположеніе, что Финско-

¹⁾ Р. Вирховъ, Первобытные обитатели Европы.

Угорскіе народы были древнѣйшими обитателями сѣвера ¹⁾, но проф. Богдановъ допускаетъ нѣсколько другую гипотезу. По его мнѣнію, не они были аборигенами Россіи, а длинноголовое племя, отличающееся даже отъ скандинавскаго племени Пильсона. Проф. Богдановъ допускаетъ три послѣдовательныя замѣщенія: сначала жило курганное типическое племя, потомъ явились Финны и начали его вытѣснять, наконецъ, третье, Славянское племя въ свою очередь вытѣснило и стерло Финновъ. Какъ бы то ни было, но для насъ важно, главнымъ образомъ, во первыхъ, то обстоятельство, что Финны все-таки далеко предшествовали Славянамъ, и что эти послѣдніе появились на сѣверѣ Россіи еще во времена курганныя по всей вѣроятности, въ концѣ каменнаго періода, какъ то показываетъ присутствіе на ряду съ длинноголовыми черепами, череповъ короткоголовыхъ, столь похожихъ на современные русскіе ²⁾.

Допустивъ такое предположеніе, построенное не на историческихъ основахъ, а на антропологическихъ данныхъ, мы тѣмъ сразу устранимъ рязсужденія о времени прибытія Славянъ въ Европу вообще и къ бассейну Ильмена въ частности. Намъ нечего будетъ придавать особый интересъ показаніямъ Юрпанда, Массуди, арабскихъ и византійскихъ хроникъ и разъяснять, хотя бы съ натяжками, темныя мѣста древнихъ и средневѣковыхъ авторовъ. Многіе остроумные и ученые люди пытались даже опредѣлить славянскую, какъ и другія національности, среди народовъ восточной Европы, перечисляемыхъ Геродотомъ, и видѣли Славянъ и Финновъ въ Скиахъ и Сарматахъ. Они, быть можетъ, и не ошиблись отчасти, потому что тѣ и другіе существовали въ Сарматской низменности еще за долго до Геродота.

Что славянская колонизація началась не въ VI и даже не въ III в., а еще гораздо ранѣе, за много вѣковъ до сложенія Русскаго государства, слѣдуетъ, впрочемъ, не изъ однихъ антропологическихъ данныхъ; того требуетъ и сама исторія, даже ея отрывочныя указанія, и вся цѣпь послѣдовательныхъ историческихъ явленій, обуславив-

¹⁾ Соловьевъ, Бяляевъ и всѣ другіе историки тоже видятъ въ Финнахъ первобытныхъ обитателей сѣверной Европы.

²⁾ Мы были нѣсколько смѣлы въ сужденіяхъ, не смотря на незначительность матеріала, бывшаго у насъ подъ рукою. Если Беръ, при опредѣленіи типической племенной формы черепа, считаетъ возможнымъ ограничиться, какъ minimum'омъ, 3 правильно развитыми экземплярами, а Кетласъ—10, то и мы, имѣя въ рукахъ болѣе 10 череповъ различнаго типа, могли не голословно подтвердить свои сужденія.

шихъ зарожденіе великаго государства на берегахъ Волхова. Хотя и принято обыкновенно связывать съ IX вѣкомъ возникновеніе у Славянъ Ильменскихъ политическаго центра въ Новгородѣ, въ которомъ—по свидѣтельству лѣтописей—и сѣлъ княжить первый русскій князь,—но тѣ же лѣтописи говорятъ и о другомъ. Они повѣствуютъ, что уже въ эпоху призванія князей Новгородъ былъ центральнымъ городомъ сѣвера, отъ котораго зависѣли сѣверныя, западныя и восточныя Финскія племена, черезъ который шелъ великій водный путь, и на который указываютъ какъ арабскіе историки, такъ и саги Скандинавовъ. Каковы бы ни были политическія и географическія условія положенія Новгорода, очевидно, что надо было нѣсколько столѣтій, чтобы городъ Славянъ Ильменскихъ могъ занять такое единственное и первенствующее значеніе на всемъ сѣверѣ. Чтобы Новгородъ еще въ началѣ VIII вѣка находился въ прочно установившихся сношеніяхъ съ Прибалтійскими Вендами (что доказываютъ клады куфическихъ монетъ въ прибалтійскихъ земляхъ отъ Любека до Куришгафа), — для этого надо не одно столѣтіе исторической жизни Славянъ Ильменскихъ. Покойный Соловьевъ доказалъ ясно, что извѣстія о призваніи князей никакъ нельзя соединять съ хронологическими показаніями лѣтописей (ибо хронологія ихъ составлена впоследствии по византійскимъ хроникамъ), въ такомъ случаѣ будетъ пошито, что, собственно говоря, исторія и не требуетъ такого чуда, какъ созданіе почти изъ ничего могучаго славянскаго государства на берегахъ Волхова, при помощи горсти Нормановъ въ IX вѣкѣ. Элементы его существовали уже давно: аборигенныя финскія и угорскія племена, уже много пожившія и коснѣющія въ неподвижности и полныя жизни славянскіе народы съ зачатками арійской культуры, были вполне годнымъ матеріаломъ для сложенія прочнаго и могучаго государства изъ зародыша, быстро развившагося въ бассейнѣ Ильмени.

Возвращаясь къ самому характеру славянской колонизаціи въ бассейнѣ Ильмени, повторимъ еще разъ, что первые славянскіе пришельцы, достигшіе волоковъ, раздѣляющихъ бассейны Волги, Днѣпра, Западной Двины и Ильмени, встрѣтили въ этихъ мѣстностяхъ полубродячее, полусѣдлое племя финско-угорской семьи или просто Финновъ, какъ мы будемъ отнынѣ называть народъ, съ которымъ пришлось столкнуться Славянамъ во времена еще не запятныя. Каковы были эти Финны, какъ великъ былъ уровень ихъ культурнаго развитія—сказать теперь довольно трудно, хотя, судя по изслѣдованіямъ г. Алквиста, ихъ развитіе было не слишкомъ высоко.

Скотоводство, хотя и было издревле господствующимъ промысломъ у западно-финскихъ племенъ, но находилось на низкой степени развитія. Еще менѣе распространено, но уже знакомо имъ было и земледѣліе—но крайней мѣрѣ въ формѣ подсѣчного или лядиннаго хозяйства. Изъ ремеслъ наиболѣе развитыхъ было кузнечное; финскіе мечи славились у викинговъ; братъ мудраго Вейнемейнена былъ кузнецомъ. Алквистъ думаетъ, что со многими металлами Финны еще познакомились на Уралѣ. Въ деревянныхъ постройкахъ и подѣлкахъ Финны не обнаруживали большого умѣнья. Пряденіе и ткачество, считавшіяся главными достоинствами хорошей хозяйки, были довольно хорошо развиты. Жилищами Финновъ служили коты — родъ юрты изъ сложенныхъ кольевъ, крытыхъ шкурами и землей, а также вырытыя въ землѣ ямы. Одеждами служили шкуры, выдѣланныя въ кожи и войлоки; вся утварь, лодки и другія хозяйственныя принадлежности, была самаго первобытнаго устройства. Не смотря на такую скудную культуру, Финны не подходятъ однако къ извѣстному свидѣтельству Тацита о ихъ поразительной дикости, которое покойный Соловьевъ справедливо относитъ къ Лопарямъ. Вотъ каковы были, по изслѣдованіямъ г. Алквиста, западные Финны, то-есть, именно тѣ, съ которыми ранѣе всего столкнулась славянская народность. Мы нарочно нѣсколько остановились на описаніи ихъ, чтобы тѣмъ дать понятіе и о самой культурѣ Славянъ, которая, безъ сомнѣнія, должна была быть значительно выше культуры Финновъ, если послѣдніе оказались неспособными бороться съ первыми за существованіе и удалялись къ сѣверу, оставивъ Славянамъ свои насиженные вѣками мѣста.

И такъ, Славяне приходили въ финскія земли, съ запасами культурныхъ свѣдѣній и стремленій, съ запасомъ жизненной силы и энергии, чѣмъ и побуждали аборигеновъ, коснѣвшихъ въ физическомъ и умственномъ застоѣ; не смотря на свое количественное ничтожество, смѣлые пришельцы успѣвали не только отгнать Финновъ, но и прочпо обосновываться на новыхъ мѣстахъ. Это одна изъ самыхъ характеристичныхъ чертъ славянской колонизаціи, проявлявшаяся отъ временъ доисторической древности вплоть до нашего времени.

Славяне пришли въ финскія земли впервые—безъ сомнѣнія—не массою, ни даже отдѣльнымъ племенемъ или родомъ; они появились въ нихъ совершенно такъ, какъ появляются піоперы въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки, какъ появляются наши современные колонизаторы-казаки на далѣкихъ окраинахъ восточной и средней Азии. Это была въ букваль-

номъ смыслѣ колонизаціи или разселеніе, но не переселеніе одного народа за другимъ со всѣмъ скарбомъ, чадами и домочадцами, какъ то практиковалось въ великую эпоху переселенія народовъ. Славянскіе передовые колонисты или пионеры были та удалая молодежь и вольность славянская, которыя составили впоследствии главную силу и опору славянства и заселили всю сѣверную и восточную Европу, приведя въ покорность и дань всѣ племена далекаго сѣвера. „Бродники, тѣ же повольники-ушкуйники“, говоритъ проф. Вестужевъ Рюминъ ¹⁾,— „вотъ издавніе русскіе колонизаторы. Удалие добрые молодцы, богатыри и дружина богатырская,—такъ величаетъ бродниковъ народная память. Имъ не сидится на мѣстѣ, и идутъ они впередъ, и куда ни зайдутъ, тамъ и селятся“. Прошли бродники, и за ними потянулись и семьи, и роды славянскіе; не кучно они пришли, да кучно поселились, стали крѣпко за друга и оставили устои прочные. Родовое начало славянской народности и географическія условія, представлявшіяся въ эпоху пришествія первыхъ славянскихъ элементовъ въ Прибалтійскій бассейнъ совершенно иными, чѣмъ теперь, обусловили вмѣстѣ съ причинами мѣстными и историческими, форму славянскаго заселенія—посредствомъ основанія укрѣпленныхъ пунктовъ, городовъ.

Все болѣе и болѣе подвигаясь къ сѣверу и сѣверо-западу, Славяне тѣмъ болѣе тѣснили и аборигены Финскія племена. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Финновъ было не много, и гдѣ этихъ послѣднихъ ничто не привывало къ данной мѣстности, какъ на примѣръ, Финновъ полудикихъ-охотничьихъ, Славяне, разумѣется, подвигались впередъ безпрепятственно. Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе было кучное, и гдѣ, слѣдовательно, было больше условій, привывавшихъ осѣдлыхъ туземцевъ, а также тамъ, гдѣ Финнамъ дѣлаться было некуда, Славяне встрѣчали со стороны послѣднихъ отчаянное сопротивленіе. Основываясь на извѣстномъ миролюбіи Финновъ и также на томъ принципѣ, что бороться было не къ чему, потому что дѣлать было нечего, многіе историки отрицали даже возможность кровавыхъ столкновеній между славянскимъ и финскимъ элементомъ. Правда, вторженіе чуждаго славянскаго элемента въ самый центръ финскаго населенія, благодаря спеціальной чертѣ Славянъ—уживчивости и терпимости къ чужеземцамъ, которая замѣтна и доселѣ, не

¹⁾ *К. Вестужевъ-Рюминъ*, О колонизаціи Великорусскаго племени. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1876 г.

отмѣчалось такими кровавыми столкновениями, отъ которыхъ вымирали цѣлыя племена, но все-таки оно далеко не имѣло вида мирной сдѣлки, какъ это утверждаютъ Соловьевъ, Вѣляевъ, Ешевскій и др. Проф. Соловьевъ заходитъ уже слишкомъ далеко, говоря, что „это было не завоеваніе одного народа другимъ, но мирное занятіе земли, никому не принадлежащей“, и что народная память обоихъ народовъ „не сохранила преданій о враждебныхъ столкновенияхъ между финскими и славянскими племенами“. Въ особой специальной¹⁾ статьѣ мы привели нѣсколько народныхъ сказаній, характеризующихъ достаточно рельефно самый характеръ этой борьбы, и потому теперь на нихъ мы останавливаться не будемъ. Скажемъ только нѣсколько словъ вообще о прославленномъ миролюбіи Финновъ и „мирномъ занятіи“ Славянами ихъ дорогихъ, пасиженныхъ многими вѣками мѣстъ.

Финны тихъ и миролюбивъ по природѣ—это правда, но если затронуть его, онъ сражается какъ левъ; не даромъ Новгородцы и потомъ Шведы въ своихъ войнахъ употребляли съ такою охотою финскіе полки; эти послѣдніе служили ядромъ шведской арміи во всѣхъ ся войнахъ съ Россіей до Фридрихсгамскаго мира. Герои Калевалы и витязь ея Лейминкайненъ сражаются при нуждѣ, какъ герои Иліады, и весь финскій эпосъ имѣетъ въ основѣ борьбу Финновъ съ природой и злѣйшими ихъ врагами Лопарями. Обиліе оружія у Финновъ, которые находятъ г. Алквистъ даже въ ихъ древней культурѣ,—говорить также за то, что и мирные Финны не отказывались отъ борьбы.

Не могло быть и „мирнаго занятія“ земель, никому не принадлежавшихъ, на всемъ огромномъ пространствѣ отъ верховья западной Двины до Урала; скорѣе было бы непонятно, какъ это могли безъ борьбы встрѣтиться двѣ народности, самыхъ противоположныхъ типовъ, и какимъ чудомъ произошло сперва вытѣсненіе Финновъ изъ населенныхъ мѣстностей, а потомъ сліяніе ихъ со Славянами и послѣдующее подчиненіе сильнѣйшему безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны слабѣйшихъ. Если и мало сохранилось въ народной памяти воспоминаній о великой эпохѣ борьбы славянскаго элемента съ финскимъ, то это никакъ не доказываетъ, что борьбы не было. Борьба эта была жестокая и упорная. Въ народной памяти обитателей Пріонежья до сихъ поръ сохраняются сказанія о классической

¹⁾ «Борьба Новгорода со Шведами и Финнами по народнымъ сказаніямъ»—*Др. и Нов. Россія*. Октябрь 1880 г.

борьбѣ съ „бѣлоглазю Чудью“, и чудскія могилница полныя костями подтверждаютъ историческія преданія. Мы могли бы указать много мѣстностей Олонецкой губерніи, гдѣ еще живетъ въ памяти народной борьба съ Чудью, и гдѣ обильныя чудскія кладбища указываютъ, что борьба эта потребовала кровавыхъ гекатомбъ. Древне-чудскія могилница у д. Корчелы Кургощанской волости (Шенкурскаго уѣзда) представляютъ въ своемъ родѣ классическіе памятники изъ эпохи борьбы славянскаго элемента съ Чудскими народами.

Не забыла память народная борьбы съ Финнами и въ Ильменскомъ бассейнѣ. Но намъ нѣтъ нужды прислушиваться къ этимъ отрывочнымъ преданіямъ, повѣствующимъ о великой борьбѣ, рѣшившей участь сѣвера и востока Европы, когда передъ нами представляются такіе почтенные памятники, какъ рядъ кургановъ и цѣлыя группы ихъ, столь нѣрѣдкія въ Ильменскомъ бассейнѣ.

Рядъ кургановъ по обимъ берегамъ Ловати, Полю, Мсты и отчасти Волхова, Порусли и Полисти обозначаетъ собою путь, по которому въ бассейнѣ Ильменя двигалась къ сѣверу славянская колонизація, и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на тѣ мѣста, гдѣ пришельцамъ было оказано большее или меньшее сопротивленіе со стороны туземцевъ. Мы сказали уже выше, что ряды кургановъ прерываются отдѣльными группами, которыя встрѣчаются въ мѣстностяхъ и доселѣ сравнительно плодородныхъ, и богатыхъ. Этотъ простой фактъ, незначительный самъ по себѣ, принимаетъ важное значеніе, если мы посмотримъ на него съ точки зрѣнія первичной и вторичной колонизаціи этихъ мѣстностей. Тѣ или другія свойства почвы, обиліе какого-нибудь драгоценнаго матеріала и другіе тому подобныя условія, имѣющія громадное значеніе для охѣдлаго человѣка, съ незапамятныхъ временъ привлекли сюда многочисленное населеніе; еще до пришествія Славянъ плодородныя долины рѣкъ Ловати, Полю, Полисти, Порусли, Мсты, Шелони, Волхова, Рѣды, Ларинки, Мпаги и другихъ были населены сплошнымъ Финскимъ или Угорскимъ народомъ, жившимъ вѣдьс полусѣдло и занимавшимся не только рыболовствомъ и охотою, но также земледѣліемъ и скотоводствомъ.

Не мудрено поэтому, что въ этихъ мѣстахъ, одаренныхъ всѣми благами, какія только возможны подъ этою параллелью, гдѣ населеніе было искони, пришельцамъ—Славянамъ было оказано сильное сопротивленіе. Съ бою славянскіе колонисты завладѣли каждымъ кусочкомъ земли, кровью своею и финскою они оросили ее, и группы кургановъ, полныхъ человѣческими костями, подтверждаютъ это. У дд. Те-

ребини (на Ловати) ихъ 6, Середки и Селяхи по 3, въ Длевѣ, Коньковѣ, по 4, Перелѣскѣ, Коломнѣ (на Мстѣ) 5; при Рядинѣ 7, при Волиѣ 14, при Золотомъ камнѣ 17. Въ плодородныхъ мѣстностяхъ между Шелонью и Ловатю, гдѣ, по Соловьеву, были впоследствии главныя становища Славянъ Ильменскихъ, группы кургановъ у Подгопцѣ, Солоница, Лукѣ, Большой Витони, Лобынѣ свидѣлствуютъ также, что и здѣсь туземцы уступили пришельцамъ не безъ упорной борьбы. То же самое замѣчаемъ мы и въ плодородныхъ мѣстностяхъ Демянскаго уѣзда, гдѣ полны человѣческими костями группы сопокъ, у Песковъ 7, Городка 9, Рябушекъ 10, Ракова 12, Хозюпина 21 и т. д.

Мы видѣли уже, что изъ кургановъ здѣшнихъ одни содержатъ въ себѣ только черепя доликкефалическіе, другіе — только брахикефалическіе, тогда какъ третьи — смѣсь тѣхъ и другихъ. Очевидно поэтому, что эти послѣдніе сонки должны заключать въ себѣ остатки двухъ племенъ, принадлежащихъ къ различнымъ расамъ. Мы говорили уже достаточно, какъ о длинноголовыхъ черепахъ кургановъ Ильменскаго бассейна, такъ и о короткоголовыхъ. Прибавимъ теперь только, что ни среди первыхъ, ни среди вторыхъ мы не замѣтили череповъ особенной типической формы, которая отличала бы ихъ отъ другихъ аналогичныхъ. Всѣ длинноголовые черепя были одной формы, брахикефалическіе также, среднеголовые представляли ясный переходъ не только по головному указателю, но и по другимъ краниометрическимъ даннымъ. Все это мы говоримъ въ виду того, что нѣкоторые антропологи видѣляютъ особый курганный финскій черепъ, также какъ и особый современный, рѣзко отличающійся отъ славянскаго. Проф. Богдановъ, напримѣръ, владеть довольно рѣзкою границею между курганными черепами того и другаго народа; описавъ преобладающій длинноголовый черепъ московскихъ кургановъ ¹⁾, онъ гово-

¹⁾ «Черепъ сверху и сбоку длинный и узкій. Norma verticalis эллиптическая или удлинненно-яйцеобразная. Черепъ со стороны нѣсколько сжатъ и менѣе расширяется у темянныхъ бугровъ, мало развитыхъ. Незначительнымъ развитіемъ также отличается tubera frontalia, а лобная кость, постоянно закругляясь, переходитъ въ высокое темя. Сжатость черепа съ боковъ часто сопровождается тѣмъ, что на срединѣ темени сводъ черепа крышеобразно приподнятъ и ребро приподнятія видно бываетъ также иногда и по срединѣ лобной кости. Особенно замѣчательно сильное развитіе затылочной части черепа, выдающагося сильно назадъ. Эта характеристичная форма затылка, узкость и длина черепа составляютъ главную особенность курганнаго племени. Онъ походитъ на черепа каменнаго вѣка и басковъ» (Матеріалы для антропологии Московской губерніи).

рить, что финскій черепъ представляетъ существенныя отличія въ habitus отъ типа нашихъ курганныхъ. Затылокъ тоже выдается, но черепъ Финна несравненно болѣе круглѣ и болѣе расширенъ къ теменю. Знаменитый Беръ ¹⁾ высказываетъ про тѣ же московскіе курганные черепа, что они по длинѣ, узкости и прогнатизму не принадлежатъ Финскому племени, тогда какъ брахикефалическіе черепа той же области, какъ Славянъ, такъ и Финновъ, рѣзко отличаясь отъ череповъ другихъ народовъ индо-германскихъ, очень сходны между собою, а Коперницкій ²⁾ утверждаетъ на оборотъ, что даже современный славянскій черепъ имѣетъ краниометрической типъ, отличный отъ брахикефаловъ-Финновъ.

Всѣ эти тонкія отличія трудно прослѣдить на черепахъ Ильменскаго бассейна, да это и не прибавило бы ничего къ нашему разсужденію. Въ виду того, что Богдановъ, Беръ и Коперницкій, говоря о финскомъ черепѣ, принимали въ расчетъ только собственно Финновъ, а не всю финско-угорскую семью, мы можемъ не примѣнять строго ихъ выводы о разительномъ отличіи славянскихъ череповъ отъ финскихъ; длинноголовые черепа кургановъ Московской, Ярославской, Калужской и вплоть до Минской губерніи, также какъ и Ильменскаго бассейна, принадлежатъ не собственно Финнамъ, а различнымъ отраслямъ финско-угорской или урало-алтайской семьи народовъ, тогда какъ чисто короткоголовые—Славянамъ и ассимилировавшимся съ ними различнымъ финско-угорскимъ племенамъ, при чемъ отличить послѣдніе черепа между собою пока невозможно; переходные типы череповъ мезатикефалическіе—въ виду того, что главнымъ образомъ выродились аборигенныя племена,—надо отнести въ огромномъ большинствѣ къ финскимъ черепахъ. Таково наше послѣднее заключеніе о черепахъ Ильменскаго бассейна.

Поэтому мы съ нѣкоторою смѣлостью и говоримъ о томъ, что въ курганахъ, гдѣ встрѣчаются черепа того и другаго типа, погребены останки, какъ аборигенныхъ угорскихъ или финскихъ народовъ, такъ и пришельцевъ-Славянъ, а самые курганы, полные смѣшанными костями, относимъ къ эпохѣ утвержденія славянской колонизаціи среди Финскаго племени сѣвера и востока Россіи. Сопки Лунышина, Солобска, Львей, Теребиной, Залучья и др. представляютъ такого рода насыпи, оставшіяся съ незапамятныхъ временъ, не смотря на то, что народ-

¹⁾ *K. Baer* въ *Bulletin de l'Acad.* 1859, XVII.

²⁾ *Коперницкій* въ *Кіевскихъ Университ. Извѣстіяхъ* 1861 г.

ная молва приписываетъ ихъ татарскому, шведскому и въ особенности литовскому разоренію. Нашествія Литвы и лютые моры ¹⁾ въ особенности памяты народу въ области Ильменскаго бассейна, потому что они наполнили собою добрую половину его исторіи. Въ лѣтописи Новгородской то и дѣло читаемъ мы о нашествіи Литвы на Старорусскую область. Начиная съ 1200 года, и вплоть до сокрушенія литовскаго могущества и возростанія политическаго значенія Москвы, новгородскія волости по Ловати, Полѣ и Шелони подвергались литовскому разоренію. Въ 1234 г. Литва ворвалась въ самую Русу, а въ 1345 году великій князь Литовскій Ольгердъ едва не покорилъ южнаго побережья Ильменя. Не мудрено поэтому, что съ этими разореніями народъ связываетъ всѣ сопки, полныя костей и окруженныя ореоломъ традиціонной таинственности. Нельзя, впрочемъ, отрицать, чтобы во времена, соотвѣтствующія нашествіямъ Литвы, въ древнихъ курганахъ не погребались трупы снова, тѣмъ болѣе, что во многихъ сопкахъ химическій анализъ показываетъ, что всѣ кости ихъ погребены не въ одно время. Мы довольно уже останавливались на этомъ, и потому теперь напомнимъ только то, что во многихъ случаяхъ кости сравнительно свѣжія лежатъ ближе къ поверхности, тогда какъ болѣе древнія заложены въ самой толщѣ кургановъ. Все это имѣетъ не малое значеніе съ точки зрѣнія гипотезы вторичнаго погребенія и должно быть принято во вниманіе при обсужденіи такого свидѣтельства, какъ заключающееся въ посланіи Московскаго митрополита въ Новгородскую область въ 1534 г., на основаніи коего г. Евронеусъ допускаетъ, что Ильменская Чудь сыпала курганы даже и въ XVI в., и что существуютъ настоящіе финскіе курганы въ Новгородской области. Убыль 9%, 13% органическаго вещества изъ кости, по приблизительному опредѣленію древности послѣдней по способу Курэба и Фогельзанда, соотвѣтствуетъ 300 — 400 — 500-лѣтнему лежанію кости въ землѣ, то-есть, переноситъ къ XIV—XV вѣкамъ, ко времени наибольшаго процвѣтанія Великаго Новгорода, и затѣмъ ко времени литовскихъ разореній, что подтверждаетъ наше предположеніе о томъ, что Славяне, а быть можетъ, и Чудь Ильменская, погребали своихъ покойниковъ въ курганахъ, уже готовыхъ, но никакъ не насыпая вновь.

¹⁾ Напримѣръ, моръ въ зиму 1417 г., когда въ Новгородѣ, Русѣ, Ладогѣ и другихъ городахъ погибло такъ много народу, что, по выраженію лѣтописца, «живые не успѣвали хоронить мертвыхъ».

Мы говорили до сихъ поръ о курганахъ, заключающихъ человѣческіе останки смѣшанныхъ типовъ, и приписывали имъ значеніе общихъ могилницъ; насыпанныхъ надъ тѣлами павшихъ въ сраженіяхъ безъ различія ихъ національности, но упоминали только вскользь о курганахъ, заключающихъ въ себѣ останки людей, судя по антропологическимъ даннымъ, принадлежавшихъ къ одной національности. Значеніе подобныхъ кургановъ въ огромномъ большинствѣ, по всей вѣроятности, такое же, какъ и кургановъ съ смѣшанными останками, съ тою только разницею, что въ послѣднихъ на поляхъ битвы погребались павшіе безъ различія національностей, тогда какъ курганы съ костями одного типа насыпались только надъ трупами побѣдителей или побѣжденныхъ. Такимъ образомъ, стало возможно существованіе общихъ могилницъ, для людей какъ Славянскаго, такъ и Финскаго племени. Общія могилница могли имѣть и другое происхожденіе, относящееся не къ боевому, а къ мирному времени. Курганы эти могли служить просто усыпальницами для покойниковъ какъ Финскаго, такъ и Славянскаго племени, и по всей вѣроятности, существовали еще задолго до пришествія Славянъ въ область Ильменскаго бассейна, и долго спустя по водвореніи этихъ послѣднихъ въ этихъ странахъ. Таковое же происхожденіе имѣли, вѣроятно, и тѣ чудскія и финскія могилница, которыя описываетъ г. Европеусъ въ сѣверовосточной части Новгородской губерніи. „Песомынно финскіе курганы“, говоритъ онъ ¹⁾, — „встрѣчаются въ сѣверной части Тихвинскаго уѣзда, гдѣ Чудь до сихъ поръ говоритъ финскимъ нарѣчіемъ, имѣющимъ самый первоначальный типъ изъ всѣхъ финскихъ нарѣчій. Въ этихъ чудскихъ курганахъ встрѣчаются черепа только брахикефалическіе. Область череповъ длинноголовыхъ простирается отъ Вѣжецка черезъ Весьегонскій и Устюженскій уѣзды и верстъ на 20 на югостокъ отъ с. Сомины по Устюженско-Тихвинскому тракту, за которымъ курганы съ черепами длинноголыми совершенно исчезаютъ. Эти курганы отдѣляются отъ кургановъ чудской или собственно финской области полосой безъ всякихъ кургановъ, имѣющею въ ширину отъ 70—100 верстъ. Область курганныхъ череповъ длинноголоваго типа около вышеупомянутаго тракта приближается почти къ самому краю мѣстныхъ названій угорскаго происхожденія“. Такого строгаго распредѣленія кургановъ собственно славянскихъ, чудскихъ или финскихъ мы никакъ

¹⁾ Д. Европеусъ, Объ угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и Скандинавіи до прибытія туда нынѣшнихъ ихъ жителей.

не можемъ провести въ области Ильменскаго бассейна, гдѣ смѣшивалось совершенно то и другое населеніе, пока славянское не взяло верхъ надъ чудскимъ и частью не отгѣснило къ сѣверу, а частью не ославянило послѣднее.

Переходя теперь по порядку къ курганамъ одиночнымъ, то-есть насыпаннымъ надъ прахомъ только одного человѣка, мы не имѣемъ многого сказать, потому что методъ нашего изученія сопокъ Ильменскаго бассейна не доставилъ намъ случая изучить подробно ни одной изъ этихъ послѣднихъ. Не смотря на это, въ силу общей аналогіи и всего того, чтѣ намъ извѣстно о погребальныхъ обрядахъ Славянъ и Финновъ Балтійскаго бассейна ¹⁾, можно допустить, что такіе курганы существуютъ въ довольно значительномъ количествѣ и въ изучаемой нами мѣстности, слывя подъ именемъ пустыхъ, такъ какъ кости одиного погребеннаго героя покоятся въ такой глубинѣ и толщѣ могильной насыпи, что могутъ быть обнаружены только фундаментальною раскопкою.

Покончивъ такимъ образомъ съ курганами, заключающими въ себѣ человѣческія кости—собственно могильными насыпями, и разобравъ ихъ значеніе по отношенію къ эпохѣ славянской колонизаціи въ бассейнѣ Ильменя, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію кургановъ дѣйствительно пустыхъ ²⁾, то-есть, не заключающихъ въ себѣ человѣческихъ останковъ, или вѣрнѣе говоря, не имѣющихъ значенія могильныхъ насыпей. Эту группу кургановъ можно раздѣлить, слѣдуя графу Тышкевичу ³⁾, на сторожевые и путевые.

Курганы перваго порядка—сторожевые—еще относятся къ памятникамъ, свидѣтельствующимъ о борьбѣ славянскаго съ финскимъ элементомъ во времена до-историческія, и насыпаны были съ цѣлью чисто стратегическою. Этими высокими насыпями, позволявшими наблюдать за мѣстностью и господствующими надъ нею, пришельцы-Славяне „окружали гонимыя племена“, говоритъ графъ Тышкевичъ. Съ помощью этихъ сторожевыхъ пунктовъ они имѣли возможность не только окружать, но и держать въ страхѣ и подчиненіи слабыхъ единоплеменъ, хотя и не скудныхъ мужествомъ туземныхъ обитателей. Сторожевые курганы сыпались въ пунктахъ только

¹⁾ А. Котляревскій, Погребальные обычаи Славянъ.

²⁾ Курганы эти могутъ быть и не совершенно пустыми и заключать въ себѣ много археологическаго матеріала.

³⁾ Графъ Тышкевичъ, О курганахъ въ Лятовъ.

наиболѣе важныхъ въ стратегическомъ отношеніи, что можно заключить изъ того, что имъ обыкновенно соответствуютъ группы кургановъ, полныхъ человѣческихъ костей различныхъ національностей и свидѣтельствующихъ о великихъ побоищахъ. Въ такомъ отношеніи, напримѣръ, по нашему мнѣнію, находятся сопки Теребиной, Середки, Рѣпушина и Коломны. При деревнѣ Рѣпушиной, стоящей на Рѣдѣ, находятся двѣ сопки, по видимому, пустыя. Не далеко отъ нихъ къ востоку на Ловати расположены три группы кургановъ Теребиной, Коломны и Залучья, богатыхъ человѣческими костями. Географическое положеніе тѣхъ и другихъ кургановъ позволяетъ даже представить себѣ стратегическій планъ Славянъ, увѣнчавшійся страшнымъ побоищемъ, жертвы котораго едва умѣстились въ десяткѣ могильныхъ насыпей. Часть туземнаго племени, обитавшая по рѣкѣ Ловати при впаденіи въ нее р. Самбитовки, была окружена со всѣхъ сторонъ наблюдательными славянскими постами. На сѣверѣ одна или двѣ Теребинскихъ сопки, на югѣ—три кургана при Середкахъ, на западѣ—двѣ сопки Рѣпушина и съ востока Ловать, также находившаяся во власти Славянъ, какъ народа, двигавшагося по преимуществу по берегамъ рѣкъ, составляли кругъ обложенія, въ предѣлахъ котораго и совершилось побоище, окончившееся, по всему вѣроятію, полнымъ уничтоженіемъ этой части туземцевъ. Въ виду того, что еще не раскопано вполнѣ ни одного кургана, мы не будемъ строить ни на чемъ не основанныхъ гипотезъ относительно значенія каждаго кургана, а говоримъ только вообще, что сторожевыхъ кургановъ въ области Ильменскаго бассейна, какъ и въ Литвѣ встрѣчается—по нашему мнѣнію—не малое количество. Къ числу таковыхъ мы склонны отнести многіе изъ кургановъ, обложенныхъ по периферіи камнями, которые, кромѣ значенія сторожевыхъ пунктовъ, имѣли еще и оборонительное значеніе. Мы не говоримъ, разумѣется, о сопкахъ, обложенныхъ камнями только при основаніи, такъ какъ большинство кургановъ Ильменскаго бассейна имѣетъ каменный вѣнецъ у основанія¹⁾; а многіе даже и на периферіи, но только о такихъ, которыя, подобно первой Рыбковской сопкѣ, обложены всѣ дикимъ камнемъ, или Середкинской, увѣнчанной тремя рядами булыжника, представляющими широкій каменный поясъ. Очень возможно, что эти курганы запи-

¹⁾ Такъ что во многихъ случаяхъ по одному вѣнцу лежащихъ на поляхъ камней, называемому у мѣстныхъ жителей *коло*, мы могли констатировать существованіе на этомъ мѣстѣ сопки, бывшей некогда но уже и разрытой.

мали также мѣсто батарей и укрѣпленныхъ позицій, такъ какъ ихъ географическое положеніе у большихъ дорогъ и на господствующихъ пунктахъ дозволяетъ придавать имъ стратегическое значеніе вообще.

Другой порядокъ кургановъ пустыхъ будутъ курганы такъ-называемыя путевыя или дорожныя (слѣдуя гр. Тинкевичу), которыхъ польскіе археологи находятъ особенно много въ Литвѣ и Западной Россіи. Это курганы неизмѣнно одиочные, не особенно велики по размѣрамъ, по расположены всегда на самыхъ видныхъ пунктахъ, на распутьяхъ большихъ дорогъ и великихъ водныхъ путей. Цѣль ихъ и значеніе опредѣляются самымъ ихъ названіемъ; они служили во времена оны, да могутъ служить и теперь для того, чтобъ указывать путь по главнымъ направленіямъ въ областяхъ, богатыхъ развѣтвленіями водной системы. Въ Бѣлоруссіи ихъ называютъ волотовками. Что такіе курганы должны быть и въ Новгородской области, это болѣе чѣмъ необходимо и вытекаетъ изъ того значенія, какое имѣла эта страна съ незапамятныхъ временъ. Черезъ нее пролегалъ великій подный сѣверный путь съ богато развитою системою водъ, для обозначенія раздѣловъ которыхъ или главныхъ направленій необходимо было ставить какіе-нибудь выдающіеся знаки; подобное же назначеніе лучше всего могли выполнить не уступающія самому времени, огромныя земляныя насыпи на мѣстахъ видныхъ и возвышенныхъ. Черезъ область Новгородскую еще въ до-историческія времена началось движеніе Славянъ къ сѣверу послѣ обоснованія ихъ въ узлѣ, образуемомъ Ильменемъ съ впадающими въ него рѣками; черезъ нее во времена позднѣйшія, историческія шла богатая торговля, которой пути распространились отъ Византіи до моря Варяжскаго. Естественно поэтому искать въ бассейнѣ Ильмена путевыхъ кургановъ на протяженіи всѣхъ главныхъ направленій, пересѣкающихъ его, по которымъ издревле подвигались народы и шла оживленная торговля. Ловать, Полисть, Нола, Шелонь, Мста и Волховъ были главными артеріями этой дѣятельной жизни и движенія, и потому на берегахъ ихъ надо искать путевыхъ кургановъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ многочисленныя боковыя отвѣтвленія могли маскировать главный путь. Мы не будемъ гипотетично указывать на тѣ или другіе курганы, какъ на путевыя, потому что не знаемъ ихъ содержанія, но весьма вѣроятно, по аналогіи съ дорожными насыпями Литвы, что добрая четверть кургановъ, унизывающихъ берега историческихъ рѣкъ Ильменскаго бассейна, принадлежитъ къ разряду путевыхъ. Быть можетъ, и не всѣ изъ этихъ кургановъ насыпаны Славянами въ эпоху

занятія ими этого края, а часть ихъ принадлежитъ ко временамъ норманскихъ походовъ въ богатую Грецію.

Этимъ раздѣленіемъ кургановъ ¹⁾ на могильные, путевые и сторожевые еще нельзя ограничиться, такъ какъ мотивы ихъ сооруженія могли быть весьма разнообразны, истекая изъ религіознаго почитанія горъ, какъ жилищъ высшихъ божествъ, и символизированія первыхъ искусственными насыпаніями. Возможно также, что курганы насыпались не надъ прахомъ, а просто въ честь вождей и богатырей или въ ознаменованіе какихъ-нибудь важныхъ событій. Изъ того, что мы знаемъ о миеологіи Славянъ, очень естественно, что курганы могли насыпаться съ спеціальною цѣлью отправленія богослуженія. Ходаковскій въ своей знаменитой теоріи славянскихъ городищъ слишкомъ только увлекся этимъ спеціальнымъ значеніемъ древнихъ насыпей, основавъ на немъ свои предположенія, но въ сущности мы не имѣемъ права отрицать того, что Славяне любили приносить жертвы своимъ божествамъ на мѣстахъ возвышенныхъ. Курганы, подобныя Шинковскому, Рябушкинскому, Коровичинскому, одному изъ Хозюпинскихъ, Великосельскому и др., не заключающіе въ себѣ ничего, кромѣ небольшихъ кучекъ угля среди песку и щебня, могутъ быть признаны, по нашему мнѣнію, именно за таковыя, потому что никакимъ инымъ образомъ нельзя объяснить себѣ присутствія кучекъ угля на значительныхъ глубинахъ при отсутствіи жженныхъ костей или какихъ-нибудь другихъ археологическихъ матеріаловъ. На подобное назначеніе нѣкоторыхъ кургановъ Ильмешскаго бассейна указываютъ и названія тѣхъ мѣстностей, возлѣ которыхъ эти послѣдніе находятся: названія эти напоминаютъ имена древнѣйшихъ славянскихъ божествъ. Таковы, на примѣръ, наименованія селеній Ладышкаина, Ладошина, Лядина, Лядина, Лелевина, Волотова, Велсбиць, Туровой горы, Сурина, Шура, Чуракова, Чурилова, Шишиморова, Морина, Морева и т. п., недалеко отъ которыхъ лежатъ одиночныя сопки, не содержащія въ себѣ по большей части костей.

Такъ представляется намъ отношеніе различныхъ кургановъ Новгородской области къ вопросу о колонизаціи Славянъ въ этомъ краѣ. Изучая эти памятники, мы получаемъ довольно ясное понятіе о ходѣ славянской колонизаціи и характерѣ ея, о фазисахъ борьбы, которую ей приходилось выносить въ своемъ поступательномъ движеніи.

¹⁾ Въ могильныхъ также причисляемъ мы и такіе курганы, въ которыхъ находятся одни жженные кости.

Въ приведенныхъ выше словахъ г. Вестужева-Рюмина о колонизаторахъ Руси—бродникахъ: „куда они ни зайдутъ, тамъ тотчасъ и селятся“ выражается, по нашему мнѣнію, основная черта славянской колонизаціи. Бродниковъ можно сравнить съ тѣми усамъ и побѣгами ползучихъ растений, которые эти послѣднія пускаютъ впередъ отъ себя. Благодаря своей незначительной величинѣ, они пробиваются черезъ малѣйшія ращелины и норы, благодаря обилію заключенной въ нихъ жизненной и ростовой силы ихъ не заглушаютъ другія болѣе могучія растения; въ небольшомъ пространствѣ, на небольшой глубинѣ, не тревожимые никѣмъ, они пускаютъ небольшіе, но глубокіе и крѣпкіе ростки, которые продолжаютъ развиваться подъ землею, пока молодое растеніе не окрѣпнетъ до того, что можетъ приподнять верхушечную почву ростка надъ поверхностью земли, не боясь быть заглушеннымъ и задавленнымъ, потому что у него глубоки и велики корни, не смотря на надземную незначительную величину. Такъ разсаялось и Славянское племя по лицу широкой земли Русской; далеко впередъ по рѣкамъ, волокамъ, черезъ болота и лѣса шли его удалые пионеры—бродники и запускали глубоко ростки славянства въ земля финскія и угорскія. Чуть находили они богатый край или мѣста привольныя, не жалѣли ни своей крови, ни крови туземцевъ, и кучно держась между собою, строили себѣ крѣпкіе оплоты. Были ли то валы земляные или курганы, обложенные камнями, или просто изгороди изъ колебъ, или какія-нибудь другія укрѣпы, но за ними крѣпко и дружно стояли передовыя славянскіе колонизаторы. Чѣмъ дальше боролись они со своими врагами, тѣмъ крѣпче и грознѣе становились оплоты славянскіе, тѣмъ глубже пускало корни свое славянство, и тѣмъ хуже и тѣснѣе становилось его врагамъ. Изъ изгородей и валовъ народились городища; укрѣпились эти послѣднія валами, сопками, ямами и рывинами,—еще крѣпче сѣло славянство на мѣстахъ новыхъ и еще тѣснѣе стало Финнамъ. Раскинулась широкая сѣть городищъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ сѣли Славяне: отсюда имъ было легко отражать нападенія вражескія и смирять непокорныхъ Финновъ. Быть можетъ, въ частностяхъ и ошибочна теорія профессора Самоковсова о заселеніи Руси Славянами посредствомъ городковъ, но въ общемъ она заслуживаетъ полнаго вниманія. Невозможно было бы ничтожнымъ по количеству передовымъ пионерамъ славянства, не смотря на все ихъ превосходство надъ туземцами, одолѣть и отгнать массу и завладѣть ихъ лучшими землями при помощи одной крѣпкой славянской груди. Ограждаясь оплотами, Славяне не только спасли самихъ себя и свое

дѣло, но успѣли побѣдить, покорить и ославянить огромную массу финскаго населенія. Жить открыто, безъ оплота въ страпѣ, гдѣ враждебна была сама страна и все ея населеніе, и жить осѣдлою, по кочевой жизнью небольшимъ передовымъ кучкамъ Славянъ было невозможно; волею-неволею строились укрѣпленія; укрѣплялись самыя жилища, а если у Славянъ преобладало родовое начало—поселенія не могли быть общими, и слѣдовательно, каждое такое общее укрѣпленное жилище становилось въ извѣстномъ смыслѣ городомъ. Въ этомъ, кажется, нѣтъ ничего невѣроятнаго.

Городовъ много было въ древности даже въ предѣлахъ одной Новгородской области; лѣтопись насчитываетъ, на примѣръ, и то мимоходомъ, до 30 пригородовъ Великаго Новгорода. Одинъ этотъ примѣръ заставляеть думать, что городовъ было не такъ мало въ древней Руси, какъ кажется на первый взглядъ. Замѣтимъ, что въ лѣтописи упоминаются только города болѣе или менѣе значительные, которые принимали дѣятельное участіе въ судьбахъ Великаго Новгорода; объ остальныхъ незначительныхъ лѣтописецъ могъ никогда и не слышать. Не распространяясь болѣе на счетъ теоріи заселенія великой русской низменности Славянами посредствомъ городовъ, обратимся теперь снова къ дальнѣйшему описанію хода славянской колонизаціи въ бассейнѣ Ильмена къ сѣверу, востоку и западу.

Достиженіе Славянами пространства, которое заключено главнымъ образомъ между Шелонью, Ловатю и южнымъ берегомъ Ильмена и представляетъ столько удобствъ для осѣдлой жизни, должно считаться за одинъ изъ главныхъ моментовъ въ исторіи славянской колонизаціи въ бассейнѣ Ильмена. Здѣсь, послѣ того какъ было сломлено сопротивленіе Финновъ, раскинулись главныя становища Славянъ Ильменскихъ. Плодородность полей, обиліе луговъ, богатство мѣстности лѣсомъ, обильный рыбный ловъ, болотная руда, богато развѣтвленная система водъ, а слѣдовательно, и удобства путей сообщенія, наконецъ, громадныя залежи поваренной соли—все это были такія условія, которыхъ Славянинъ, быть можетъ, не встрѣчалъ нигдѣ собранными въ одно мѣсто на протяженіи всего своего долгаго пути изъ арійской прародины. Не мудрено, что эти пространства скоро сдѣлались главными седищами Славянъ Ильменскихъ, тогда какъ оставшіяся, разбѣяныя и побѣжденные Финскія племена были вытѣснены въ глухіе лѣса и топи, окружающіе всѣ удобныя для поселенія мѣстности во всей Новгородской области. Поставленные въ такія абсолютно неблагоприятныя условія полудикой

жизни, привыкшіе къ болѣе широкой осѣдлой жизни на лучшихъ поляхъ всего Ильменскаго бассейна, Финны не только не могли думать о дальнѣйшемъ сопротивленіи или вытѣсненіи Славянъ изъ насиженныхъ мѣстъ, но должны были сами мало по малу приходять въ уничтоженіе. Вотъ поэтому-то на всемъ обширномъ пространствѣ между Ловатью и Шелонью и рѣчныхъ долинахъ рѣкъ, пересекающихъ его, въ настоящее время едва ли можно встрѣтить хотя какой нибудь намекъ на то, что здѣсь нѣкогда обитало сплошное финское населеніе.

Установившись крѣпко въ этой богато снабженной дарами природы мѣстности, Славяне не упустили изъ виду укрѣпиться въ ней настолько прочно, чтобы ни страшны были имъ никакіе враги. Города на Ловати, Полѣ, Полисти и Шелони составляли собою основу крѣпкой сѣти, которая, разрастаясь, покрыла собою съ теченіемъ времени огромныя пространства, гдѣ сидѣло отъ вѣковъ сплошное финское или угорское населеніе. Центромъ этой сѣти, центромъ всѣхъ обиталищъ Славянъ Ильменскихъ къ югу отъ Ильмена былъ узелъ, образуемый сплетеніемъ южныхъ Ильменскихъ рѣкъ, то-есть, приблизительно въ той мѣстности, гдѣ теперь стоитъ г. Старая Руса. Здѣсь при впаденіи Порусьи въ Полисть Славяне встрѣтили рядъ соленыхъ источниковъ, какъ бы въ придачу всѣмъ удобствамъ къ осѣдлой жизни въ этой мѣстности. Имѣя въ виду, что движеніе славянской колонизаціи шло главнымъ образомъ по Ловати, и что почти до параллели Русы донынѣ вдоль ея западнаго берега идутъ лѣса и болота, отдѣляющіе ея рѣчную долину отъ плодородной низменности Ловато-Шелонской, можно допустить, что обоснованіе Славянъ въ этой послѣдней началось именно на широтѣ г. Русы. Древній пригородъ Городцы на Ловати и Руса, такимъ образомъ, являются первыми славянскими городами между Шелонью и Ловатью.

Къ сѣверу отъ этого узла славянскихъ селищъ въ Ильменскомъ бассейнѣ былъ самый Ильмень, къ югу—пройденная дорога, уже прочно закрѣпленная за собою рядомъ городищъ, а къ востоку за Ловать шли глухіе лѣса и непроходимыя болота. Оставался одинъ путь на западъ, но тамъ еще сидѣли туземцы. Тѣмъ не менѣе, по крайней мѣрѣ съ теченіемъ времени славянскіе поселенцы должны были подвигаться, по всей вѣроятности, именно въ этомъ западномъ направленіи.

Они потянулись на западъ по Шелони, на сѣверо-западъ по Мшагѣ и на сѣверъ вдоль западныхъ береговъ Ильмена. Тѣ, кото-

рые пошли этимъ послѣднимъ путемъ, скоро успѣли достигнуть и до Волхова. Далекю къ сѣверу по этой рѣкѣ танулась хлѣбородная долина; но надо было сперва утвердиться при истокѣ Волхова. Здѣсь, по видимому, Славяне не встрѣтили такого сильнаго сопротивленія со стороны туземцевъ, какъ на югѣ отъ Ильмена; по крайней мѣрѣ, нынѣ вблизи этой мѣстности нѣтъ ни одного кургана съ человѣческими костями. За то здѣсь Ильменскіе Славяне положили первый камень въ основаніе Новгорода. Возникъ ли онъ изъ города, остатки коего представляетъ нынѣ Волховское городище, или же былъ основанъ самостоятельно—это другой вопросъ, на который пока отвѣчать невозможно, потому что городище на Славнѣ, найденное г. Самковасовымъ, представляетъ, по видимому, другой ключъ къ разрѣшенію.

Утвердившись на берегахъ Волхова и сѣверныхъ побережьяхъ Ильмена, славянская колонизація въ бассейнѣ Балтійскаго моря стала на твердую почву. Въ рукахъ пришельцевъ очутилась главная артерія великаго сѣвернаго пути—Волховъ, а съ нею и все ея торговое, стратегическое и колонизаціонное значеніе. Городище Холоній городокъ на Волховѣ, въ 12 верстахъ отъ Новгорода, представляетъ типъ тѣхъ небольшихъ, но укрѣпленныхъ пунктовъ, которые настроили Славяне на всемъ протяженіи теченія Волхова вплоть до самаго озера Нево; три городища, сохранившіяся доселѣ недалеко отъ впаденія въ Ладожское озеро Волхова, составляютъ конечные пункты, запиравшіе выходъ изъ великой рѣки Славянъ Ильменскихъ и сторожившіе входъ въ великое Нево. Вдоль всего теченія Волхова быстро расселилось и сѣло славянское племя, не встрѣтивъ большаго сопротивленія со стороны туземцевъ; отъ Волхова по узкимъ рѣчнымъ долинамъ и междурѣсьянамъ пошло оно и на западъ, и на востокъ въ самую глубину земель Чуди.

Особенно далеко пошло славянство на сѣверъ и на сѣверо-востокъ; отъ Ладоги оно быстро начало распространяться по Свири и побережьямъ Онежскаго озера, а потомъ съ теченіемъ многихъ вѣковъ удалая вольница новгородская проникла и въ земли далекой Югры, Перми и Чуди Зоволоцкой. О тѣхъ временахъ и о тѣхъ дѣяніяхъ знаютъ уже лѣтописи Новгородскія, помнитъ и память народная Олончанъ и Поморовъ.

Но Шелони и ея притокамъ колонизація Славянъ не могла идти далеко на западъ; въ тѣ времена тамъ уже сидѣли, быть можетъ, крѣпко народы чудскіе и литовскіе; да и простору такого не было:

Варяжское море останавливало всякое сухопутное движеніе. Трудно, разумѣется, сказать—кто населилъ побережья озера Чудскаго: колонисты ли новгородскіе или пришедшіе по другому пути другія племена славянскія въ родѣ Кривичей; но что касается до сѣвера и востока нынѣшней Россіи, то вся честь ея заселенія принадлежитъ несомнѣнно Славянамъ Ильменскимъ.

На востокъ естественнѣе всего было двигаться Славянамъ Ильменскимъ по Мстѣ и ея притокамъ; здѣсь борьба была не легка, и рядъ кургановъ по этой рѣкѣ и ея притокамъ свидѣтельствуетъ о кровавомъ отпорѣ, полученномъ здѣсь Славянами. Съ сѣверо-востока, вѣроятно, Славяне пробрались и на восточныя побережья Ильменя, такъ какъ этотъ путь былъ удобнѣе, чѣмъ черезъ юго-востокъ. Множество рѣкъ и рѣчекъ, пересѣкающихъ лѣсистыя и болотистыя пространства южнаго и восточнаго побережья озера, служили тому неодолимыми препятствіями. Даже теперь едва можно пробраться съ юга на восточные берега Ильменя, и то развѣ по торнымъ тропинкамъ, извѣстнымъ развѣ только прибрежнымъ обитателямъ; въ тѣ же времена, когда огромныя болота питались непроходимыми дѣвственными дебрями, совершенно невозможно было никакое движеніе съ юга Ильменя на востокъ его. Этимъ кружнымъ путемъ славянской колонизаціи черезъ сѣверъ озера можно объяснить себѣ, почему на востокъ отъ Ильменя осталось болѣе мѣстныхъ наименованій, корни которыхъ надо искать въ финскихъ и угорскихъ языкахъ, тогда какъ по южному его побережью названій послѣдняго происхожденія совершенно не встрѣчается; всѣ корни наименованій славяно-русскаго происхожденія. Долина р. Ларинки, къ востоку отъ Пола, богатая курганами и мѣстными древне-славянскими названіями, представляетъ тотъ путь, которымъ Славяне думали пробраться на восточныя побережья Ильменя и еще далѣе на востокъ, пока не были остановлены великимъ болотомъ, извѣстнымъ нынѣ подъ названіемъ Большой Невій Мохъ, ограничивающимъ съ востока долину рѣки Ларинки.

Подвигаясь на востокъ по Мстѣ, славянскіе поселенцы пошли по настоящему пути; рядъ кургановъ обозначаетъ ихъ путь до верховьевъ Мсты, гдѣ чрезъ небольшіе волоки, отдѣляющіе бассейны Мсты отъ бассейновъ Тверцы и Мологи, они могли распространиться по широкому Поволжью. Справедливо поэтому, по нашему мнѣнію, замѣчаетъ профессоръ Вестужевъ-Рюминъ, что „и въ колонизаціи Поволжья Новгородцы имѣли, вѣроятно, значительную долю участія, и

едва ли имена финскихъ народцевъ, призавшихъ Варяговъ, не означаютъ славянскихъ колонистовъ". Съ бассейна Мсты колонизація Славянъ могла взять также и сѣверное направленіе внизъ по теченію Сяси и дойти такимъ образомъ до озера Нева.

Такъ ширилось и распространялось во времена глубокой древности славянство по лицу широкой Сарматской низменности. Утвердившись на побережьяхъ Волхова, Ловати и Ильмена, оно распустило свои корни и на далекій сѣверъ, и на глубокой востокъ.

Столица Славянъ Ильменскихъ стала великою метрополіей, колоніи которой превосходили своею величиною значительнѣйшія колоніи знаменитыхъ метрополій древняго міра. И какъ тамъ, такъ и здѣсь, починъ колонизаціи шелъ не отъ отдѣльныхъ личностей, а прямо отъ народа. По вѣрному заявленію г. Вестужева-Рюмина, „не князьямъ принадлежитъ починъ въ заселеніи Славянскимъ племенемъ нашего сѣверо-востока; это дѣло народное, и началось очень давно; князья только помогали этому дѣлу; продолжали его, рубили города. Вродники и повольники заселили сѣверъ и востокъ нашего отечества. Много такихъ дружинъ шло изъ Великаго Новгорода, у котораго была и предпримчивость, и сила, и энергія, и богатство". Не легка была задача Славянъ Ильменскихъ, и не мало было значеніе ихъ столицы. Великую службу сослужили они Россіи и всей міровой цивилизаціи; пѣтомъ и кровью они укрѣпились на берегахъ Ильмена и Волхова, гдѣ возрастили и вскормили зародыши великаго государства, поставили его на ноги, какъ поднимающагося младенца, и откуда направили его первые неопытные шаги въ дѣлѣ самостоятельнаго существованія.

А. Елисеѣвъ.
